

ПАВЕЛ АСТАХОВ

КВАРТИРА

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Квартира

«ЭКСМО»

2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Астахов П. А.

Квартира / П. А. Астахов — «Эксмо», 2010 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-43044-4

Квартира в России – больше, чем жилье. Она олицетворяет дом, семью, благополучие, жизнь... Но слишком часто квартира превращается в яблоко раздора, становится средством наживы и причиной тяжких преступлений. Коварные риелторы, циничные девелоперы, алчные чиновники не замечают простых людей, попирают законы, презирают человеческие понятия. Ради денег они не пожалеют и родного отца. Тем более легко они перешагивают через жизнь отца главного героя, адвоката Павлова, помешавшего их амбициозным планам. Павлов-старший становится жертвой наемных киллеров из-за квартиры в центре Москвы, где стоимость жилой площади давно пересчитывают на квадратные миллиметры. Расследуя убийство отца, адвокат Артем Павлов убеждается, что не так страшен сам киллер, как его хозяева и политики, покрывающие строительных воров, помогающие надувать «финансовый пузырь» и лоббирующие антинародные законы. Он снова ввязывается в жесточайшую схватку с коррупцией, предательством, беззаконием, рискуя потерять и квартиру отца, и доверие обманутых соинвесторов жилья, и собственную жизнь. Никогда еще так остро и опасно не вставал квартирный вопрос в жизни Артема Павлова.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-43044-4

© Астахов П. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Хулиган	7
Ночной звонок	9
Ступенька	10
Опознание	11
Ремонт	12
Соседи	14
Управдом	16
Повестка	19
Допрос	20
Старуха	23
Должник	25
Приватизация	27
«Дачники»	29
Замок	32
Самозванцы	34
Беженцы	35
Дядя	38
Договор	40
Отказ	41
Блиц	43
Министр	45
Космонавт	49
Эврика	50
Рэп	52
Финансист	54
Коробков	56
Эксперимент	59
Гроб	62
Ордер	65
Совесь	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Павел Астахов

Квартира

© Астахов П., 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

* * *

Люди как люди... квартирный вопрос только испортил их...
М. Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

Каждый имеет право на жилище.
Конституция РФ.
Статья 40

Хулиган

За окном вечерней электрички виднелась полуфантастическая картина. Остановившаяся стройка нового элитного, как принято обзывать в рекламных приманках, района бледнела в сумерках московской зимы. Огромные котлованы, присыпанные грязным снегом, жадно разевали свои пасти. Одинокие краны подпирали черное низкое небо, изредка вспыхивая красными противолетными маячками, что еще больше придавало апокалиптичности всему пейзажу. Тысячи, а возможно, и миллионы непостроенных квадратных метров, оплаченных по всевозможным кривым и серым схемам, так и не дождалось своих хозяев.

Андрей Андреевич Павлов присел на пустую лавку и грустно вздохнул: пейзаж казался точной аллегорией всего, что происходит со страной.

– Эй, мужчина, закурить не найдется? – вывел его из размышлений грубый голос.

Андрей Андреевич машинально оглядел автора вопроса: лысый, угрюмый, в шрамах. Глаза бегают, нос перебит. Коренастый, чуть выше среднего роста, крупный. Вязаная черная шапка сдвинута набок. Грубые ботинки на ногах, перчатки на руках. Одна рука спрятана за пазухой. Что-то держит под курткой. Павлов сунул руку в карман.

– Извините, не курю. Могу вам предложить леденцы. Помогает.

Андрей Андреевич протянул блестящую конфетку незнакомцу. Тот задумчиво принял подарочек и явно растерялся. Мгновение что-то прикидывал, примеряясь к пассажиру, и неожиданно с дикой силой швырнул конфету в дальний конец вагона. Электричка издала свисток и тронулась от перрона, а грубиян двинулся на Павлова.

– Издеваешься?! Слышь, ты, петух гамбургский, пойдём-ка выйдем. – Он схватил пассажира за рукав и с силой дернул на себя.

На удивление, пожилой человек не оказал никакого сопротивления, а, наоборот, легко подскочил и сам нырнул по направлению рывка. Не рассчитав силу своего приема, грубиян оступился, выругался и, охнув, споткнувшись о лавку, повалился назад на пол. Не успел он перевести сбитое падением дыхание, как над ним уже стоял Андрей Андреевич.

– Напрасно вы так горячитесь, молодой человек. Так можно и расшибиться, – покачал он головой и протянул руку. – Держите! Вставайте! – Тут же без труда помог попутчику подняться и внимательно посмотрел ему в глаза. – Я вам не советую грубить и затевать ссору в общественном транспорте. Во-первых, это может быть расценено как хулиганство, то есть грубое неуважение к общественному порядку. А это преступление. До пяти лет лишения свободы. Во-вторых, вы можете напасть на человека, владеющего спецподготовкой, и серьезно покалечиться. В-третьих, в поездах полно милиции в штатском и вас могут задержать. Ну а в-четвертых, зачем вам все эти проблемы?

Андрей Андреевич не отводил глаз от мутного и тяжелого взгляда попутчика. В пустом вагоне, кроме них двоих, сидели еще два подростка, увлеченно игравшие в какую-то электронную игрушку, да дремлющий бомж на одиночном сиденье под стоп-краном. Андрей Андреевич и сам сел в последний вагон, потому что именно от него лежал самый короткий путь к дачному участку, где его ждал теплый ужин и верная жена Василиса Георгиевна. Да, сегодня он задержался в городе дольше обычного, но вполне успевал к позднему чаю.

Лысый закряхтел, потер ушибленный локоть, немного подумал и вновь навис над пенсионером.

– Очень умный? А если так?

Из-за отворота куртки показался и блеснул в желтом свете вагонных фонарей нож. Обычный складной нож с длинным тонким лезвием. Лысый провел им по воздуху слева направо и обратно и ощерил кривые поломанные зубы.

– Хороший нож, – неожиданно похвалил Павлов, с интересом разглядывая оружие лысого попутчика. – Наверное, очень удобно карандашик поточить, колбаски нарезать... Я в детстве мечтал, чтобы под рукой был такой же. Все мальчишки любят острые предметы. Оружие. Ножи. Правда?

Он подмигнул и хитро улыбнулся, а лысый напрягся. Он не понимал, к чему ведет этот старик. А старик неожиданно резко повернул голову влево, словно кто-то его окликнул, и призывно махнул рукой кому-то, находящемуся за спиной оппонента. И, конечно же, лысый оглянулся. На миг.

Этого времени вполне хватило Андрею Андреевичу, чтобы резко ударить ребром ладони по пальцам оппонента и, всем своим весом навалившись на запястье, вывернуть его и вырвать нож. Тот, звякнув, упал на пол, мужчина зарычал от боли и злости, а Павлов размахнулся ногой и коленом саданул его в грудь.

– О-ох! – согнулся от боли агрессор.

Пенсионер тут же завернул руку мужчины назад – до противного хруста в суставе, и тот взвыл и, подчиняясь боли, повалился на лавку.

Андрей Андреевич ловко вытянул поясной ремень и, накинув его на шею поверженного громилы, завел под его вывернутую правую руку. Затянул ремень петлей и свободным концом, завязав его узлом, аккуратно и точно зафиксировал.

Электричка тем временем замедлила ход, и Павлов посмотрел в окно.

«Кажется, Кунцевская...»

Остановки в черте города частые, расстояния между платформами и станциями короткие, так что риск не успеть на последнюю электричку до Звенигорода был преизрядный. Но оставлять агрессивного попутчика наедине с мирными, хотя и редкими пассажирами было нежелательно, и Андрей Андреевич решил довести разговор до логического завершения.

– Я тебя предупреждал. Ты не понял. Извини. Придется закончить вечер в милиции. Вставай!

Он поднял с пола выпавший у бандита нож и зафиксировал лезвие под подбородком громилы. Держать нож левой рукой было неудобно, но важнее было следить за завернутой кистью противника. Правой рукой, не выпуская свой портфельчик, пенсионер уцепился за только что построенную связку «рука – ремень – шея» и слегка ткнул недруга коленом под зад:

– Шагай!

Поезд остановился, двери с шипением раскрылись, и первые десять шагов по вагону они проделали след в след. И лишь в тамбуре их встретили еще два припозднившихся пассажира. Вполне приличного вида, хотя и без признаков высокого интеллекта на лицах. Они удивленно и даже испуганно глядели на старика и его пленника, и Павлов кивнул:

– Добрый вечер. Ребята, помогите этого отконвоировать. Хулиганит. Ножом машет. Здесь милиция недалеко. Подержите его с боков, а то мне неудобно спуститься.

Мужчины кивнули и молча подхватили лысого. Андрей Андреевич благодарно улыбнулся. Он видел, что теперь-то на последнюю электричку вполне успевают.

Ночной звонок

Пронзительный звонок разрывал ночную тишину.

– Господи! Ну кого несет ни свет ни заря?

Адвокат Артем Павлов, прогоняя остатки тяжелого зимнего сна, разлепил затекшие глаза и попытался рассмотреть свои наручные часы, вместо того чтобы прекратить мучения телефонного аппарата. Наконец он отложил свой хронометр, так и не поняв, то ли пятнадцать минут оставалось до трех, то ли прошло после девяти, добрался и до звенящей трубки:

– Алло. Слушаю вас...

– Алле, сынуля! Это мама!

– Мама? Что такое?

– Что-то случилось с отцом! Он не пришел вечером с работы. Пропал куда-то.

– С отцом? А где он был? Звонил вообще? – Артем, прижимая плечом к уху трубку, натянул брюки и рубашку.

Пунктуальный папа не только никогда никуда не опаздывал, но и предупреждал о любых отклонениях в своем ежедневном рабочем маршруте. Нехорошие предчувствия одолевали все больше и больше, а мама, не переставая, причитала:

– Ой, не к добру все это, сынок. Я накануне сон плохой видела. Ой, не к добру.

– Мама! Прекрати про свои сны! – не выдержав, одернул ее Артем, но тут же смягчил тон: – Мамуля, не волнуйся. Все будет хорошо, сейчас разберемся. Жди на телефоне, – он уже набирал – параллельно – телефон дежурного по городу.

– Дежурный, полковник Малахов, слушаю вас.

– Товарищ полковник, добрый ве... в смысле, доброе утро! Вас беспокоит Павлов Артем Андреевич, адвокат.

– Здравия желаю. Чем можем помочь в столь ранний час?

Полковник явно был настроен доброжелательно, и Артем не стал терять времени.

– Понимаете, странная ситуация... Личная. Мой отец, Андрей Андреевич Павлов, сегодня, то есть уже вчера, не вернулся домой.

– Хм. Понятно. А откуда?

– Он должен был приехать с работы. Работает в районе проспекта Мира. На «Рижской». Проживает за городом...

– Может, тогда лучше с областным ГУВД переговорить? – неуверенно предложил дежурный, но адвокат тут же перебил:

– Нет-нет! В том-то и дело, что за городом, но в Москве. Это поселок с московской юрисдикцией. Городского подчинения. Понимаете?

– Угу, – грустно ответил полковник, потерявший надежду спихнуть это явно обещающее быть проблемным исчезновение отца известного юриста. – Давайте приметы.

– Тридцать второго года рождения, но выглядит лет на десять моложе. Седой, рост сто семьдесят пять. На правой щеке, ближе к носу, родимое пятно размером и формой с сушеную горошину. На подбородке в самом низу косой шрам длиной два сантиметра. Так, еще. На левом ухе возле слухового отверстия небольшой вырост, примерно на пять миллиметров. Это остатки от операции в детстве по удалению так называемой серьги. Что еще?

– Да уже достаточно, господин адвокат, – остановил Павлова полковник, – кажется, уже нашли вашего отца... – Он сделал паузу, вздохнул и неуверенно добавил: – Вы только не волнуйтесь; возможно, здесь ошибка, но человек с похожими приметамися ночью доставлен в третий городской морг.

Ступенька

Все произошло быстро и совершенно неожиданно. Едва Андрей Андреевич передал хулигана пассажирам, протиснулся вперед и занес ногу, чтобы шагнуть следом, лысый вдруг освободился от объятий «конвоя» и резко махнул свободной левой рукой. Стальной кулак, затянутый в кожаную перчатку, впечатался в висок старика.

От резкого, неожиданного и очень сильного удара Андрея Андреевича развернуло, он потерял равновесие, уронил изъятый нож и, беспомощно лоя руками потерянный баланс, полетел навзничь вниз с подножки электропоезда.

– Да что ж ты! – только и успел возмущенно крикнуть он.

ХХРРРЯПС!!! – с жутким хрустом Андрей Андреевич ткнулся головой в обледенелую землю, – последний вагон остановился в том месте, где короткая платформа уже закончилась.

– Готов, Захар. Ноги!

Лысого тянули в сторону четыре руки его подельников, которые все это время ожидали в тамбуре и так неожиданно подключились в самый последний момент. Но Захар не спешил, а завороченно смотрел на открытые глаза старика.

«Зачем? – ясно читалось в застывшем удивленном и негодующем взгляде лежащего пассажира. – Ради чего?..»

– Захар! Захар!!! Валим отсюда. Ты чего залип? Ноги!! Менты! Вон идут вдоль перрона! – Его с силой поволокли от лежащего на земле Павлова.

Лысый, оттолкнув дружков, высвободил руку, отшвырнул ремень в сторону и наклонился к земле. Подобрал нож. Аккуратно сложил его и сунул в карман. Развернулся и пошел в темноту. А перед глазами Андрея Андреевича вдруг пронеслась вся его жизнь: детский концлагерь, холодная и голодная, но счастливая послевоенная Москва, учеба по четырнадцать часов каждый день, МИД и годы тяжелой кропотливой работы, ревниво отбирающей тебя даже у собственной семьи. Он увидел и заново пережил каждый миг бытия – до самого последнего, на выходе из ночной электрички. А главное, он откуда-то знал, что умер.

«И что дальше?»

Многие годы безверия не позволяли Андрею Андреевичу ни бояться ада, ни рассчитывать на райские кущи. Но какое-то новое чувство уже подсказывало ему, что все только начинается.

Опознание

Профессия накладывает свои требования на каждого специалиста: хирург должен оперировать тяжелообольного человека, спасатель – доставать застрявшего в вентиляционной шахте сорванца, а адвокат – участвовать вместе со своим подзащитным в опознании. И все эти люди почти «на автомате» и достаточно качественно исполняют свою функцию – до тех пор, пока эта ситуация не касается их лично. Артем, десятки раз проходивший через процедуру опознания и инструктировавший своих клиентов, как себя вести и на что обращать внимание, сегодня совершенно растерялся. Он быстро приехал в указанный дежурным по ГУВД морг, а теперь в ужасе и полном замешательстве стоял перед телом отца. В том, что на вывезенной каталке лежал именно А. А. Павлов, не было никаких сомнений. Сомнения были в том, что все происходящее не кошмарный сон, а жестокая явь.

– М-м-м...

Врач-патологоанатом уже минут десять переминался с ноги на ногу, не смея потревожить молчащего адвоката. Он погрозил кулаком двум медсестрам, которые выглядывали из-за двери, перешептываясь и указывая на Павлова. Девчонки давно привыкли к постоянному соседству со смертью и не замечали ее, а вот захавшая знаменитость – это было целое событие. Врач кашлянул:

– Э-э, Артемий Андреевич, с вами все в порядке?

– Что? Да, в общем. – Павлов потер виски и сам накрыл лицо отца белой простыней. Андрей Андреевич лежал спокойно, и казалось, ненадолго заснул. Умиротворенный седовласый старик с точеным профилем. Смутил только небольшой кровоподтек на правом виске.

– Прости, папа! Как это произошло? – Артем повернулся к врачу.

Тот покачал головой:

– Сразу сказать сложно. Но, по всей видимости, падение. Неудачно шагнул с подножки электрички.

– Вы уверены?

– Ну, практически. Следов борьбы не видно. Падение с высоты собственного тела. Мы, конечно, еще не все исследования провели. Но, как говорится, расстрелянный вряд ли был отравлен. Хотя... – врач почесал переносицу, – всякое бывает.

– В любом случае я попрошу вас еще раз тщательно все проверить, – посмотрел ему в глаза Артем, а затем развернулся и вышел.

Ремонт

Родной подъезд встретил пережившего и морг, и разговор с мамой смертельно уставшего Артема Павлова грохотом, руганью и режущей нервной атмосферой. Даже его тихая, интеллигентная соседка, вдова архитектора Штольца, пожилая дама и скульптор по профессии, словно заразилась всеобщим психозом.

– Где же это видано, чтобы под зиму батареи менять?! Вы совсем ополоумели, что ли?! – кричала Варвара Серафимовна Штолец, пытаясь не пропустить двух мрачных работяг, тащивших трубу и сварочный аппарат в подъезд дома.

– Уйди, тетка! Зашибем! – угрожающе проворчал один, направляя на воинственную даму ствол ржавой трубы, а второй замахнулся автогеном:

– У-у-у! За-ра-за!

Но опустить руку с инструментом он не смог. Артем, словно стальными тисками, сжал руку. Сварщик охнул и осел прямо на землю.

– Ой! За-ра-за какая! Больно же.

– Вы аккуратнее размахивайте этим железом.

Сварщик поднял взбешенный взгляд и поперхнулся. Не менее яростные глаза молодого мужчины спортивного телосложения не обещали ничего хорошего. Варвара Серафимовна благодарно склонилась в реверансе:

– О! Мерси, месье Павлов! Большое спасибо!

Павлов через силу улыбнулся.

– Не стоит благодарности, Варвара Серафимовна. А что, собственно говоря, происходит в нашем доме?

– Представьте себе, Артемий Андреевич, я вернулась из Флоренции, а в квартире – настоящая Сибирь! Эти варвары отключили отопление! – вознегодовала дама. – Кошмар! Я не могу ваять. Глина застывает, руки мерзнут.

Павлов понимающе кивнул. Мадам Штолец, прожившая полгода в Италии у друзей семьи, совсем отвыкла от отечественных реалий. Домой она вернулась позавчера, и лишь затем, чтобы наконец завершить задуманную еще в молодости композицию «Новое и старое». А в квартире, как оказалось, нет тепла!

– Так. Товарищи творцы... – Павлов повернулся к злобно озирающимся рабочим. – Кто отдал распоряжение? Где письменное решение? Почему не уведомили жильцов? Где объявление? Кто начальник? Сроки ремонта?

Засыпанные вопросами адвоката-жильца работяги сопели и не могли сказать ничего членораздельного:

– Ну... э-э-э, э-это... как его.... Э-э-э... ы-ы-ы... ну это... Митрич, кажись, распорядился...

– Так, так. Уже теплее. Хоть ясно, с кого спрашивать. И где же его найти?

– А вона он бежит, – махнул все еще потирающий руку сварщик.

Павлов пригляделся. По противоположной стороне переулочка очень быстро шагал маленький колобок. Он смешно переваливался и беспрерывно обтирал лицо большим носовым платком. Приблизившись к группе на крыльце и догадавшись, что налицо конфликт, он тут же ненатурально улыбнулся.

– Прошу прощения. Добренький денек! Что случилось? Господин Павлов, если не ошибаюсь?

Павлов молча кивнул.

– А я Жучков. Можно просто Сан Митрич. Чем могу служить?

Он так быстро и так невинно заморгал своими лазурно-голубыми глазками с белыми ресницами-пушинками, что Артем не выдержал, усмехнулся.

«Прямо ангелочек какой-то...»

– Вот ваши работнички учинили безобразие, – слегка пародируя собеседника, ответил он, – мешают жильцам. Нарушают конституционное право на отдых, здоровье и безопасность.

– Именно! Заморозили весь дом! Безобразие... – почувствовав подкрепление, вступила в дискуссию соседка. – Я пойду в рай... в райсвет... в райсовет! Найду на вас управу.

Жучков заволновался, глазки забежали, а реснички заморгали еще быстрее.

– Ай-ай-ай! Не беспокойтесь, уважаемые! Не беспокойтесь. Сейчас разберусь, и быстро наведем порядок, – он показал свой кругленький кулачок слесарям. – Ух, безобразники! Быстро все восстановить. В кратчайшие сроки пустить в дом тепло!

Павлов грустно усмехнулся и с чувством победителя двинулся к подъездной двери. К похоронам отца ему предстояло очень и очень многое успеть.

Соседи

Утро похорон выдалось на редкость отвратительным. Хотя каким еще может быть день прощания с самым близким человеком? Отец для Артема был не просто «родитель». Он был для него целой Вселенной. Мощное звено в цепи родословной всех Павловых – от пращурца Святослава, ближайшего помощника и советника Владимира Красно Солнышко, до вполне современного, испорченного цивилизацией адвоката Артема Павлова – оборвалось.

Осознавать, что отца нет не только в этой квартире, но и на даче у мамы, и что ему не позвонишь на работу, было и странно, и страшно. Артем по старой привычке, только без музыки, отжался с полсотни раз от пола, зашел в ванную комнату, повернул кран и вздохнул. Кран ответил тоскливым шипением, словно проколота автомобильная шина. Он покрутил металлический рычажок снова, труба захрятела и сделала ржавый плевок в раковину.

– Да чтоб тебя! – рыкнул Артем.

Дальнейшие попытки реанимировать водопровод ни к чему не привели. Он вышел на кухню. История повторилась. Труба шипела, вздыхала и похрапывала, но воды так и не дала ни капли. Артем достал бутылку минеральной воды и, набрав пригоршню, умылся. Бритье почти на сухую было подобно пытке, но приходилось терпеть. А уже когда Артем влез в строгий черный костюм и повязал такой же траурный галстук, ему пришла мысль проверить и батареи. Те оказались ледяными. И даже кнопка вызова лифта, когда он вышел на лестничную площадку, то загоралась, то потухала. Лифт не отзывался.

– Вот же жучок этот Жучков! – помянул недобрым словом начальника жэка Артем. – Ладно, разберемся с вами чуть позже, господин управдом.

Ему следовало поторопиться. В девять утра начиналась литургия в Никольском храме, где уже с вечера читали молитвы за упокой души почившего раба Божия Андрея Андреевича Павлова. После заутренней литургии начиналась панихида. К ней и съезжались гости со всей страны. Артем еще раз попытался оживить внезапно отказавший лифт, а затем с досады пнул так и не открывшиеся двери и, перескакивая через две ступеньки, побежал вниз. И хотя по пути ему встретилась груда отрезанных труб отопления, какие-то ржавые инструменты, не то для сгибания, не то для резки труб, ни одного рабочего ни внутри, ни возле дома не наблюдалось. У подъезда стояли только Варвара Серафимовна и сосед с первого этажа Василий Васильевич Коробков.

– Варварушка, я тебе уже третий день объясняю, это все не просто так. Кто-то против нас замышляет, – заверял обожающий теории заговора Коробков.

Варвара Серафимовна в ответ махала на старика руками:

– Ой! Прекрати ты, Василь Василич, нагонять ужас. И так всю ночь от холода промучилась. Теперь ты еще пугаешь.

Артем остановился рядом, и пенсионеры разом умолкли, а он понял, что мама уже звонила Варваре Серафимовне.

– Простите, Артемий Андреевич, что в столь траурный момент вас дергаем из-за этого ремонта, – вздохнула соседка. – Примите наши самые искренние соболезнования. Батюшку вашего я с самого первого дня в этом доме знавала. Как после войны мы приехали сюда, так ваш папенька уже здесь с семьей жили. Хороший был человек, царствие ему небесное!

Она мелко перекрестилась, и Василий Васильевич тоже быстро осенил себя крестным знаменем:

– Вечный покой! Пусть земля будет пухом ему!

Артем наклонил голову:

– Благодарю вас. Прошу, подходите к четырнадцати в ресторан «Прага». Совсем рядом. Помянем отца.

– Ах, как мило с вашей стороны. Спасибо, Артем, обязательно придем. На минуточку... – соседка ткнула в бок продолжавшего что-то бубнить под нос Коробкова. – Правда, Василий Васильевич?

Тот послушно кивнул и рассеянно забормотал:

– Да-да. Конечно, зайдем, господин Павлов. Правда, я с отцом вашим почти не виделся. Я на земле грешной, на первом этаже проживал. А вы с Андреем Андреевичем – под небесами, на последнем. Так что кому суждено ползать, взлететь не сможет.

Артем пожал плечами:

– В любом случае приходите. А что касается дома, то завтра же обещаю разобраться. Отловим этого Жучкова и заставим лично паять трубы.

Старики удовлетворенно закивали:

– Правильно! Хорошо! Очень хорошо. Надо его наказать.

Василий Васильевич не удержался и все же добавил:

– Хотя все это вряд ли нам поможет. Говорю вам, это коррупционеры на меня рейдеров наслали. Хотят из квартиры выжить. Ну, и вам заодно досталось... Надо хоть дверь железную поставить!..

Артем снова раздраженно пожал плечами, слегка поклонился и поспешил прочь.

Управдом

Утро следующего дня оказалось не менее ужасным. С появлением холодной воды и началом хотя и слабого, но все же отопления вдруг исчезли электричество и газ. Ни тебе утренние новости посмотреть, ни чайник вскипятить. Оставшись без любимого омлета, Артем со злостью отшвырнул гантели и, набросив куртку-«аляску», двинулся в жилищную контору. Ему не терпелось поговорить с Жучковым. И, конечно же, во дворе он снова наткнулся на соседку и, выслушав новую порцию жалоб на холод, отсутствие воды и внимания, добежал до жэка уже совсем взвинченный. Впрочем, сонная, давно ко всему привычная диспетчер почти не отреагировала на появление рассерженного мужчины и лишь вяло махнула рукой, показывая, где искать начальника:

– Туда. В самом заду его комната.

Действительно, в конце коридора виднелась обитая дешевым дерматином дверь. Вход был украшен пластиковой табличкой «НАЧАЛЬНИК КОНТОРЫ А. Д. ЖУЧКОВ», но, когда Павлов толкнул ее, дверь не поддавалась, и он тут же схватил за рукав бедолагу, тащившего из соседней комнаты замазанный кабель:

– Где ваш начальник?

Тот угрюмо посмотрел бесцветными мутными глазами мимо Павлова:

– Кому и пастух начальник. А лично я без премии больше работать не буду, – и в подтверждение серьезности намерений шваркнул об пол моток провода и загрохотал стоптанными кирзовыми сапогами прочь.

Павлов стиснул кулаки; он все больше и больше заводился от этого безразличия всех ко всему, и особенно от бесцельного хождения по провалившимся полам этой в полном смысле «конторы». Он вышел на улицу и... лицом к лицу столкнулся с Жучковым. Тот стоял перед группой аккуратно одетых таджиков. Восемь одинаковых ростом, комплекцией, зелено-оранжевой одеждой, возрастом и даже лицом мужчин молча выслушивали наставления начальника:

– Таким образом, ваша основная задача – чистый двор, чистая дорога, чистая улица. И будет нам всем чистый город. Понятно?

– Панятна, насяльника! – дружно отозвались новоиспеченные дворники Центрального округа столицы.

Жучков удовлетворенно потер ладошки и только тут соизволил заметить стоявшего возле него Павлова. Восторженно хлопнул себя по животу и изобразил умиление:

– Ой! Господин адвокат Павлов. Какая высокая честь видеть вас, ваша честь, – нахально скаламбурил Жучков. – Я могу чем-то услужить?

– Можете, Жучков, – подтвердил Артем. – Во-первых, включите нормальное отопление. Во-вторых, немедленно дайте в дом газ. В-третьих, электричество. В-четвертых, уберите весь хлам с лестничных площадок. В-пятых, отремонтируйте и пустите лифт. И еще, если до обеда вы не наведете порядок, то... очень сильно пожалеете. Вам понятно?

Артем, честно говоря, не смог придумать аргумента, на основании которого Сан Митрич должен был немедленно приступить к выполнению всех его требований. Тот, видимо, тоже почувствовал, что в данной дуэли адвокат оказался не слишком убедителен, и насмешливо сложил губы трубочкой:

– Угу. Понятно. Что же не понять-то? Русские же люди. На одном языке говорим.

Павлов достал руки из карманов куртки и машинально размял правый кулак. Ему до смерти хотелось поучить этого нахального управдома уму-разуму.

– Прекратите демагогию, Александр Дмитриевич. Шутки кончились. Люди очень недовольны вашей работой.

Жучков, почуввав угрозу, сделал шаг в сторону.

– Что вы, господин адвокат. Какая демагогия? Я лишь хотел уточнить. Вы, конечно же, все перечисленное в письменном виде изложили? Вы же сами знаете: слова – это лишь звук, а бумага – это документ. Так?

Управдом, оценивая эффект, искоса глянул на невольных свидетелей перепалки. Таджики терпеливо молчали в сторонке. Даже закурили, пустив по кругу одну сигарету. Артем же слегка опешил. Он понимал, что заявление или скорее даже жалоба просто необходимы, но, полагаясь на свой опыт и авторитет, счел возможным решить всю эту коммунально-хозяйственную проблему с одного кавалерийского наскока. Однако проблема не решилась, и он хрустнул суставами и снова стал по очереди загигать пальцы:

– Первое. Жалоба появится в течение часа. Второе. Не на вашем столе, а у мэра. Третье. Требования там будут уже другие. Не только ремонт, но и лишение вас должности. Четвертое. Выбирайте сами. По-прежнему хотите бумагу? Или быстро наведете порядок в вашей богадельне и дадите людям спокойно жить?

Артем сделал шаг к Жучкову, и тот немедленно изменил тональность разговора:

– Оно, конечно, бумага лучше... но если вы настаиваете, можно и по устной заявке. Давайте зайдём в контору, вы диспетчеру все продиктуете, а я пока распоряжения раздам. Пожалуйста, проходите, господин Павлов.

Жучков толкнул дверь, пропуская Артема, и только на самом входе начальник жэка неожиданно спросил:

– Батюшку похоронили, Артем Андреевич?

Артем на мгновение приостановился, но тут же решительно двинулся в диспетчерскую.

– Да. А вам-то что, Александр Дмитриевич?

Жучков засеменял сзади.

– Как? Человек известный, заслуженный, уважаемый. Ушел из жизни. У нас говорили об этом в управе. Даже адрес вам посылали. Не получали?

– Нет. Не получали, – отрезал Павлов. – Вы, Сан Митрич, лучше бы навели порядок у вас на участке. Пожилые же люди... они беспомощны перед холодом, отсутствием газа, света и воды. И это на вашей совести.

Ему торопливо сунули журнал «Жалоб и предложений жильцов территории управы Старо-Арбатская», и Артем, найдя графу «Ф. И. О. жильца», проставил данные Варвары Серафимовны и соседа Коробкова В. В. Он не был прописан в квартире отца, пользуясь ею на правах члена семьи, а потому формально жаловаться не мог. Зато по праву считал себя представителем интересов соседей.

Сан Митрич вздохнул и доверительно зашептал:

– Э-эх, Артем Андреевич! Знали бы вы, как все непросто. Разве же я не понимаю?! Старрики, они и у меня тоже есть. Я вон который год не могу их из Брянска перевезти, а там вообще зимой – труба! В полном смысле. Свет дают три раза в неделю. Отопление дровяное. Газ баллонный. А пенсии за двоих едва хватает, чтобы оплатить все это сомнительное коммунальное хозяйство. Вот и выживай как хочешь. Вы-то хоть в центре Москвы живете. Да и они к детям, родственникам, если что, могут на время переехать.

– И это для вас – повод не работать? – холодно поинтересовался Артем.

Начальник жэка всплеснул руками и обиженно поджал губы:

– Коммуникации-то в вашем доме прогнили насквозь. С самой войны никто не притронулся. А вы все на меня валите! Я же рук не покладаю! А вы мне как раз и не даете работать!

Павлову на мгновение стало стыдно за свою горячность. Теперь начальник жэка казался ему не такой уж и сволочью, а вполне разумным собеседником. Адвокат поставил точку, вернул журнал так и не проснувшейся до конца диспетчерше и встал, чтобы попрощаться.

– Ну, вы уж не берите все близко к сердцу, Александр Дмитриевич. Просто ремонт скорее закончите. Прошу вас лично. Мне тоже много приходится работать. И моя, и ваша работа

нужна людям. Помощь не бывает не к месту. Ее в нашем обществе острый дефицит. Так что давайте помогать друг другу. Договорились? – смягчил тон адвокат.

Артем улыбнулся и протянул руку Жучкову. Александр Дмитриевич весь встрепенулся, подбородок его чувственно задрожал, и он, слегка поклонившись, аккуратно пожал руку адвоката.

– Спасибо. Благодарю, что поняли, господин Павлов. Сделаю все, что возможно, и как можно скорее. Обещаю... И, кстати, о помощи... – Лицо начальника жэка приняло просящее выражение. – У меня племянница из Брянска приехала. И, вы знаете, не могу устроить в Москве. Может, у вас найдется для нее местечко?

Артем даже восхитился тому, с какой детской непосредственностью Жучков повернул разговор в русло протекции.

– Нет, Александр Дмитриевич, – выражая взглядом сочувствие и при этом ясно обозначая дистанцию, произнес он, – это вряд ли.

И, как ни странно, Жучков принял отказ так же легко, как только что попросил об услуге. «Бесстыдный век, бесстыдные сердца...» – мысленно перефразировал Пушкина адвокат.

Повестка

День прошел в обычных адвокатских хлопотах, но к ним добавилась еще и скорбная необходимость открытия наследства. Выяснив, где находится ближайший нотариус, обслуживающий наследственные дела жителей Арбатского района, Артем через помощника договорился о встрече с нотариусом Мураджановым. Записал в ежедневнике: «10.00, понедельник, нотар., Новый Арбат, дом 15, каб. 301», позвонил маме и объяснил, что в понедельник надо быть вместе, чтобы уладить все формальности. С этого момента жизнь и стала налаживаться. Да, лифт по-прежнему не работал, зато трубы и груда оборудования исчезли, а значит, Жучков и впрямь принялся за работу. Артем быстро поднялся на свой, самый верхний этаж, подошел к двери и тут же обнаружил в щели между дверью и притолокой клочок бумаги. Вытянул. Развернул сложенный вчетверо лист.

– Хм... «Приглашение».

Это была обычная стандартная милицейская повестка.

Артем открыл дверь, прошел в квартиру и разложил повестку на столе. Гражданин Павлов А. А. приглашался для дачи объяснений к участковому инспектору капитану милиции Аймалетдинову.

– Н-да. Интересно, зачем?

И сразу же, как будто в ответ, в дверь позвонили, а когда он открыл дверь, на пороге стоял розовощекий упитанный мужчина в милицейской форме, улыбающийся в тридцать два вставных зуба.

– Здравия желаю! – козырнул милиционер. – Я ваш участковый. Капитан Аймалетдинов. Разрешите пройти в квартиру?

Артем пожал плечами и пропустил визитера в прихожую. Он не боялся милиции.

– Не возражаю. Проходите. – Он прикрыл дверь. – Проходите на кухню. Там будет удобнее. Присаживайтесь, – кивнул на уютный столик в углу.

Участковый прошел, присел и положил головной убор на стол. Почему-то, вопреки зимней поре, он ходил не в ушанке, а в легкой, хотя и роскошной фуражке. Помял свои толстые мясистые пальцы и, не глядя в глаза Павлову, произнес:

– Артем Андреевич, извините за поздний визит. Но у меня есть несколько вопросов, которые я обязан вам задать. Служба, понимаете ли.

– Что за вопросы? По отцу? – сразу перешел к делу Павлов. Ему не доставляло удовольствия принимать у себя дома милиционера, который оставил в двери повестку, а затем, видимо, проследив за его приездом, не постеснялся явиться и домой, но ради памяти отца...

– Нет! По квартире. Вы уж извините, что приходится выяснять... – перебил участковый.

Артем поднял ладонь:

– Товарищ капитан, хватит извиняться каждую секунду! Вы уже пришли и уже меня допрашиваете.

Милиционер на мгновение застыл и тут же соорудил обиженное лицо:

– Ну что вы, господин адвокат. Зачем вы так?! Я не допрашиваю. Просто выясняю. Не хотите, так можете и не говорить ничего. Я же к вам не врвался, сами пустили.

Павлов вздохнул и посмотрел на часы. Время неумолимо бежало, а неожиданный гость так и не начал объяснять, зачем явился.

– Ладно, проехали. Задавайте вопросы. Чем быстрее все выясните, тем быстрее разойдемся.

– Вот это дело, – обрадованно закивал Аймалетдинов, потер ладони и вдруг сделался чрезвычайно серьезным. – А вопрос у меня один, гражданин Павлов. На каком основании вы находитесь в чужой квартире?

Допрос

Артем поднял брови и недоуменно взглянул на милиционера; тот из мягкого розовощекого толстячка на глазах превратился в красномордого сурового и жесткого бультерьера. И без того узкие глазки сузились в точки и теперь уже буравили адвоката почти насквозь. Артему даже почудилось, что сама квартира вдруг изменилась, а стены вопрошительно заколыхались: «Кто ты? Почему ты здесь? Чья квартира?»

– Тьфу! Наваждение какое-то! – потер адвокат виски и пристально посмотрел визитеру в глаза. – Ну, положим, квартира совсем не чужая. Я здесь вырос. Это моя квартира!

Участковый открыл было рот, но Артем остановил его не терпящим возражений жестом:

– Ко всему прочему, я наследник по закону. Квартира наследуется в равных долях мной и моей мамой, то есть супругой отца. Еще есть вопросы? Или вы еще документы потребуете, господин участковый инспектор?

Милиционер беззвучно пожевал губами и вдруг благодушно расплылся в улыбке, а затем и рассмеялся:

– Хи-хи-хи. Чего вы испугались? Ну что вы, господин Павлов! Я и не сомневался, что у вас все в полном порядке, ни секундошки. Но бумажки лучше держать наготове. Хорошо, Артем Андреевич?

Артем, показывая, что больше разговаривать не собирается, встал из-за стола, но участкового это не смутило. Он достал и разложил на столе какой-то бланк и начал не спеша его заполнять. Поднял взгляд на стоявшего адвоката и по-хозяйски предложил:

– Вы присядьте, господин адвокат. Как говорится, в ногах правды нет.

Артем растерялся. Он ничего не понимал.

– А где же она, по-вашему? Правда? – едко поинтересовался адвокат.

– Не знаю, я человек маленький. Правды мало видел. Давайте-ка лучше закончим все формальности, господин Павлов. Итак, где и когда родились, образование, семейное положение, место работы, адрес прописки.

Аймалетдинов занес ручку и принялся под диктовку записывать сведения, и Артем, сам себе удивляясь, отвечал – как загипнотизированный. Да, формально он мог отказаться, что чаще всего сам же советовал своим клиентам в таких ситуациях. Но сейчас, вопреки всем своим знаниям, почему-то послушно давал показания. А капитан уже дошел до графы «прописка».

– Итак, вы прописаны не в этой квартире?

– Да. Я прописан у бывшей жены. После развода они меня не выписали, да я и не заморачивался на этот счет. А что, этот атавизм еще имеет какое-то значение?

Участковый осуждающе покачал головой:

– Ай-ай-ай. Как это вы государственную регистрацию ругаете «атавизмом»? Удивляюсь я на вас, господин Павлов. Такой адвокат известный, а говорите страшные вещи! – Он сделал нарочито удивленный и даже в некоторой степени испуганный вид, но Павлову надоел этот цирк.

– Послушайте, мало того, что вы ворвались ко мне чуть ли не ночью, заставляете отвечать на глупые вопросы, так еще и мораль читаете. Кто вас на это уполномочил? На каком основании вы вообще задаете мне эти дурацкие вопросы? Отвечайте!

– Эх, как вы раскричались! Не надо так нервничать, товарищ Павлов.

Артем упрямо покачал головой:

– Я вам вовсе не товарищ, гражданин участковый. Я вас прошу не паясничать, а объяснить, на каком основании вы ведете этот допрос?

Милиционер насупился:

– Не допрос, а опрос. Я вас опрашиваю. Имею право, сами знаете. Проверяем заявление. Артем опешил:

– Какое еще заявление?!

Участковый сладко улыбнулся:

– А разве я не сказал? Ай-ай-ай. Поступило к нам заявление от уважаемого человека, что вы проживаете в чужой квартире без прописки. Ну, без государственной регистрации, точнее. Пользуетесь чужой собственностью. Вот и проверяем сигнал.

Артем, ничего не понимая, тряхнул головой. Да, формально он еще не вступил в права наследования квартиры, но от этого она ни в коей мере не становилась ему чужой. А участковый уже делал успокаивающий жест:

– Да вы не волнуйтесь. Садитесь за стол. Сейчас быстренько вас опрошу, и расстанемся. Делов-то! Может, чайком угостите?

Артем попытался взять себя в руки, он уже не на шутку разозлился. Прежде всего на самого себя, за то, что вообще впустил этого мента в дом.

– Хватит! – решительно хлопнул рукой по столу. – Не будет никакого чая. На вопросы отвечать отказываюсь. Закончен разговор.

– Почему же так?

Милиционер явно не торопился уходить, и Павлов закипел:

– Да потому, что мне непонятны ваши вопросы! Но они направлены явно против меня! Скорее всего, вы готовите какую-то провокацию, и помогать вам в этом я не буду! Завтра же сообщу о вашем поведении вашему руководству.

– О как! – усмехнулся Аймалетдинов. – Ваше право. Но только зря вы отказываетесь. Может, я вам помочь пришел. А вы сразу жаловаться... Нехорошо, гражданин Павлов.

– Нехорошо?! Да вы издеваетесь! Одну секунду...

Артем схватил мобильный телефон и, набирая номер, бросил взгляд на часы. Время близилось к полуночи. Тем не менее на другом конце тут же ответили, и Артем собрал все свое внимание в кулак.

– Алло. Владимир Яковлевич, добрый вечер! Прошу прощения за беспокойство. Знаю, что уже поздно, но у меня здесь срочная ситуация. Можно? Ага. Да. Хорошо. Спасибо. Уже лучше, – кивал он, отвечая на вопросы невидимого собеседника.

Аймалетдинов настороженно следил за поведением адвоката. Глазки бегали, осматривая то Павлова, то кухню, то коридор, видневшийся за адвокатом; затем снова возвращались к протоколу. Ушки его тоже едва заметно шевелились, вслушиваясь в странный разговор Артема – явно с каким-то начальником. Уж в этом Аймалетдинов не сомневался, просто никак не мог догадаться, кто же это такой. Знать по именам и отчествам все московское милицейское начальство попросту невозможно.

Вдруг Павлов прекратил «дакать» и кивать и обратился прямо к гостю:

– Пожалуйста, ответьте, Аймалетдинов! – сунул трубку под нос.

Участковый осторожно взял протянутый телефон и отрапортовал – спокойно и с чувством собственного достоинства:

– Участковый уполномоченный капитан милиции Аймалетдинов у телефона. Слушаю вас.

И ровно в тот же миг все изменилось: по мере того, как он вслушивался в вопросы и наставления невидимого начальника, лицо его стало меняться – не только цветом, но и формой. Сначала вытянулось, потом сплющилось, а вскоре вообще бесформенно расплылось. Даже цвет кожи прошел весь радужный спектр – от бледно-розового до ярко-фиолетового. И, наконец, он встал, выпрямился и отрапортовал:

– Так точно, товарищ генерал-полковник! Есть. Понял.

Артем принял из его рук с пиететом возвращенный телефон, и стало ясно, что собеседование с начальством пошло «гостю» на пользу.

– Извините, господин Павлов, – потупил взор капитан милиции. – Не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством. – Участковый порылся в кармане и положил на стол визитную карточку: – На всякий случай. Если что – звоните. Не стесняйтесь.

Милиционер подхватил фуражку и мелкими шажками выбежал в прихожую. Сам открыл дверь и уже на пороге повернулся к Павлову:

– И все же зря вы со мной не договорили. Заявление-то остается заявлением. Все равно придется принимать решение. Ну, как говорится, против вашего лома у меня нет приема. Да и игра эта не моя. Зачем мне на чужом пиру похмелье? Бывайте здоровы, гражданин адвокат.

Дверь захлопнулась.

– И тебе не хворать! – ответил закрытой двери Павлов.

Он и сам понимал, что участковый прав, и если чье-то заявление уже есть, решение по нему будет принято. Визит к нотариусу по вопросу вступления в наследование квартиры нельзя было откладывать ни на день.

«Так... где тут у нас лежат бумаги?» Артем бросился к отцовскому столу, перерыл все – пусто, открыл и просмотрел содержимое отцовского сейфа – ничего! И вот тогда на душе стало по-настоящему тревожно.

Старуха

Ночь прошла ужасно. Всегда имевший крепкий и здоровый сон Артем ворочался и просыпался беспрестанно, а ближе к утру предрассветную тишину прорезал длинный, настойчивый и нестерпимо пронзительный звонок. Артем, почти привыкший за последние дни к плохим новостям, обреченно отметил показания будильника: три утра.

– Обалдеть можно! – Не дожидаясь повторения звонка, Артем слетел с кровати, натянул домашние брюки, подбежал к двери и нащупал замок. – Кто еще там?!

И тут же раздался голос соседки Варвары Серафимовны Штольц:

– Артем Андреевич, простите, ради бога! Очень срочное дело. Очень!

– Что еще случилось? Канализацию прорвало? – Артем, уже не сдерживая раздражения, распахнул дверь и тут же невольно смягчился.

Судя по лицу, соседка имела причину разбудить его посреди ночи.

– Ой, случилось что-то ужасное! – всплеснула Варвара Серафимовна руками. – Прямо сейчас какие-то страшные люди увезли Василия Васильевича Коробкова. Они ворвались к нему и выволокли из дома. Силой!

– А вы откуда знаете? – недоверчиво посмотрел Артем на растрепанную старушку в огромном халате поверх пижамы.

– Василий успел мне позвонить. У него мой телефон прямо в аппарате зашифрован был. Ну, записан там, – заторопилась соседка, – он, видно, успел на кнопку нажать и прокричал: «Меня похищают! Варя, спаси!» Вот я и побежала. Но пока собиралась, они уже его увели. Только номер машины успела увидеть. Вот, записала.

Артем принял из ее рук клочок газеты, на котором неуверенным дрожащим почерком был записан номер автомобиля, и попытался сосредоточиться.

– А номер не простой, Варвара Серафимовна, – поднял он глаза на соседку. – Судя по нему, забирали Коробкова сотрудники Минюста. То есть, скорее всего, судебные приставы.

В глазах старушки мелькнул испуг.

– Главное, что это не бандиты, – поспешил успокоить ее адвокат. – Это уже плюс.

– Ну, слава богу! – Варвара Серафимовна перекрестилась и вздохнула. – А что же им нужно от Васеньки?

– Не знаю. Давайте попробуем дойти до его квартиры. Может быть, там ответ найдем.

Артем вышел на площадку и, не дожидаясь соседки, сбегал по ступенькам вниз на первый этаж. Квартира Коробкова сразу опознавалась. Она была заклеена крест-накрест пленкой с надписью «Служба судебных приставов», а замки были взломаны. Коробков так и не поставил железной двери, и поэтому захватчики прошли в его квартиру практически без остановки.

Сзади подошла запыхавшаяся мадам Штольц.

– Ой! Что же они натворили! Что это, Артем Андреевич? – всплеснула она руками и двумя пальцами потянула за пленку.

– Э-э, нет, Варвара Серафимовна, – остановил ее адвокат, – это – символ судебной власти. Если квартира опечатана, то это значит, что есть решение суда. Видимо, Василий Васильевич где-то не учел чьи-то интересы и вот – поплатился. Судебные приставы, дорогая Варвара Серафимовна, просто так не приходят. Без решения суда они шагу не ступят.

– И куда ж они его уволокли? – забеспокоилась старушка.

Артем покачал головой. Только теперь он всерьез задумался над словами Коробкова, услышанными два дня назад.

– Это мы сможем узнать только утром.

Соседка хотела спросить еще что-то, но лишь махнула рукой:

– Ой, неспроста все это! Что происходит с нашим домом, Артем Андреевич? Нехорошо все это. Нехорошо...

Должник

Сон уже не шел, и до девяти утра пришлось убивать время работой с бумагами. Так и не найдя документов на квартиру, Артем заставил себя на время отодвинуть эту задачу в сторону и принялся разбирать последние досье. Написал несколько ходатайств и заявлений, отложил их в папку, а последним написал заявление на имя префекта Центрального округа – о безобразиях Жучкова. А ровно в девять Павлов набрал телефон приемной Шамиля Саффинова, работающего в службе судебных приставов старого армейского приятеля. Он специально позвонил через секретаря, чтобы застать Шамиля на рабочем месте, но Саффинов ответил сам.

– Шамиль, здравствуй, дорогой! Павлов. Ты мне нужен.

– О! С утра пораньше такой гость. Что ж ты звонишь, Тема, как не родной прям. Я на тебя обижусь, если сейчас же не заедешь.

– Подожди, Шама. Прости, что не заехал. Я с трех утра на ногах.

– Тем более. Но что тебя заставило вскочить ни свет ни заря? – В голосе Саффинова послышалась настороженность.

– Есть проблемы. Помогите найти человека. Точнее, так: сегодня ночью приставы провели силовую акцию в моем доме...

– Так! Час от часу не легче! Что ты натворил, Тема? Опять какого-нибудь рейдера прижал?

– Нет, скорее, наоборот! Ты не понял. В моем доме, но не в моей квартире. У соседа. Зовут его Василий Васильевич Коробков. Приставы были из Центрального округа. Квартира опечатана. Вот я и пытаюсь: первое – найти человека, второе – понять, что произошло. – Артем перевел дух. – Ну, как – поможешь?

– Так. Все записал. Дай мне часа полтора. Я все выясню. Скажи, Артем, а что по Андрею Андреевичу? Дело так и не завели? – грустно поинтересовался друг.

– Шамиль, спасибо, что напомнил, а то я совсем с этим коммунальным хозяйством закрутился. У нас, понимаешь, три дня как на вулкане. Отключили свет, газ, воду, отопление и вдобавок – лифт. А тут еще и сосед пропал.

– Слушай, Артем, если надо, я подключусь по делу отца тоже, – заверил Шамиль, – только скажи. А по поводу соседа... ты знаешь... – Саффинов замялся. – Не хочу тебя пугать, но сам, наверное, знаешь, домами в центре сейчас нешуточно занялись. Причем серьезные фирмы занялись. А ты, если мне не изменяет память, на Старом Арбате проживаешь?

Артем вспомнил странный визит участкового и его слова о не менее странном заявлении некоего «уважаемого человека» и с ходу отверг подобное предположение. Да, рейдерские акции против собственников квартир начались, едва жилье стало товаром. Но у него-то с документами был почти полный порядок! Всего-то и нужен – один визит к нотариусу...

– Не знаю, Шамиль. Вряд ли так все плохо. Скорее, просто наша безалаберность, разгильдяйство и вечная волокита. Думаю, разберемся своими силами. А вот Коробкова надо найти. Поможешь?

– Все! Заметано! Жди звонка. Удачи, Артем! Береги себя, – бодро отрапортовал пристав.

Артем на мгновение замер. Расточительный, как все восточные люди, на комплименты, Саффинов в то же время никогда не злоупотреблял излишними сантиментами. А сегодня Артем отметил в голосе друга необычное волнение.

«Неужели все так серьезно?»

Он положил трубку, и тут же оба его мобильных телефона зазвонили – одновременно. Он по очереди ответил помощнику и клиенту, который с утра требовал особого внимания к предстоящему сегодня суду. А когда Артем все-таки выбрался из дома и благополучно переместился в рабочий кабинет, позвонил Саффинов:

– Эй, адвокатура! Принимай информацию. Значит, так. Твой сосед Коробков Вэ Вэ выселен за неуплату коммунальных платежей. Больше года не платил. Решение суда не исполнил. Вот его и того... переместили в социальную общагу.

– А где она находится?

– О! Я сейчас тебе перешлю все копии бумаг из исполнительного производства по факсу. Но ты будешь смеяться, Тема. Находится она на Рублево-Успенском шоссе. Представляешь себе «Каток»? Вот прямо за ним стоит поселок, а в нем есть эта самая общага. Я ее очень хорошо знаю, потому что только пару недель назад сам там был по делу... в общем, неважно, по какому. Так что можно сказать, что теперь твой сосед живет в не менее престижном месте. Стал «рублевским жителем», – усмехнулся Саффилов.

– Да уж, парадокс. Спасибо, Шама. Выручил, – поблагодарил Артем.

– Не за что. Ты же знаешь, Артем, тебе всегда помогу. Счастливо!

Артем задумался. Коробков, славившийся в доме своей необыкновенной щепетильностью, оказался злостным неплательщиком. Насколько помнил Артем, старик не хотел платить, например, за лифт, поскольку жил на первом этаже. Были у него претензии и к статье «содержание жилфонда», ибо цифры в этой графе были довольно велики, а из чего они складываются, никто объяснять не собирался. Ну, и в доме из-за старых труб, слабого давления и устаревших коммуникаций катастрофически не хватало тепла. Коробков мог пойти на принцип и отказаться оплачивать эту «не в полном объеме поставленную» услугу. Об этом он постоянно твердил всем встречным-поперечным.

Что ж, так в стране поступали многие. Главной ошибкой Коробкова было то, что он попытался игнорировать суд. И все-таки Артема настораживала поспешность, с которой старик был выселен из квартиры. А если Саффилов прав? Павлов и сам неоднократно рассказывал в своих интервью о всеядности рейдеров и о том, что в последнее время они активно захватывают даже жилые дома. Это факт!

«Нет, нет!» – Артем погнал от себя дурные мысли. Как бы подозрительно ни выглядела ночная операция, все же решение суда – не фунт изюму.

«Отправлю жалобы по Жучкову и забуду этот коммунальный рай, как страшный сон. Своих забот хватает», – дал себе слово адвокат.

Приватизация

Артем честно пытался с головой уйти в дела, съездил в суд по делу клиента, поручил помощнице собрать бумаги для следующего процесса, но ни вчерашний визит участкового, ни печальная участь Коробкова забыться в работе не давали. Даже необходимость выяснить, как идет следствие по смерти отца, отступало перед жестокой необходимостью утрясти все проблемы с квартирой. Первым делом следовало взять выписку из лицевого счета об отсутствии долгов за коммуналку, так что после пяти Артем, как штык, стоял у крыльца родного жэка номер три.

К счастью, Большой Начальник Жучков был на месте и как раз заканчивал вечерний разнос подчиненных ему дворников-гастарбайтеров. Их количество значительно прибавилось. Теперь они стояли в две ровные шеренги – все так же одинаковые по комплекции и оранжевой спецформе.

Нет, если приглядеться, они, конечно же, отличались – глазами. Одни опускали взор долу, другие – наоборот, пожирали начальника, внимая каждому его слову. Иные же усиленно морщили лбы и, видимо, пытались до конца осмыслить, чего, собственно, Жучков хочет, и это было наиболее мудрым. Как известно, отцы-законодатели ввели массу ухищрений, дабы в период экономической нестабильности освободить занимаемые сплошь и рядом «гостями из бывших республик СССР» рабочие места. Только с этой целью, например, они специальным законом ввели ограничение в приеме на работу для тех, кто не знает положенных семисот русских слов. Пользуясь моментом, ушлые издатели уже всю выпускали мини-разговорники со стандартными фразами типа: «Я только приехал. Вот билет. Все документы у работодателя». И вот Жучков и был этим самым работодателем, по сути – единственной опорой и защитой. А иногда и отцом родным.

Павлов дождался, пока колобкообразный начальник жилконторы объявит «Разойтись», и тут же подхватил его за локоть.

– Алексан Митрич, на пару слов, – стиснул он едва прощупывавшуюся сквозь ватную фуфайку руку администратора.

Тот дернулся всем телом.

– Что такое? У вас опять что-то стряслось?! Мы же все вам включили, господин адвокат! – раздраженно заскрипел Жучков.

Артем кивнул:

– С коммунальными сетями вроде бы нормально. У меня, Александр Дмитриевич, вопрос личный. Мне нужна выписка из нашего лицевого счета.

Жучков попытался высвободить руку, а его брови поползли вверх.

– Вашего? Это какого же, позвольте узнать?

Он явно прикидывался. Артем стиснул зубы, выразительно сжал кулак перед носом Жучкова и с силой ткнул себя в грудь.

– Лицевого счета моего отца! Андрея Андреевича Павлова. Что не ясно? – прорычал он.

– Ах, вот вы о чем... – протянул колобок. – Ну-ну. Просто... в связи с, простите, смертью вашего отца никакого лицевого счета нет.

Артем насторожился:

– Ой ли? Почему же нет?

– Да ровно потому, что с муниципальным жильем всегда так. Или вы не знали? Ай-ай-ай, вы же такой известный юрист...

– Слушайте! Колобков, – закипел Павлов, – то есть Жучков. Не морочьте мне голову!

– Я вас не пойму, господин Павлов, – сделал пустые глаза управдом. – Да и некогда мне. Прощайте.

Жучков решительно освободился от захвата опешившего адвоката и двинулся к дверям конторы. Павлов резко прыгнул вслед за ним.

– Секунду! Вы хотите сказать, что квартира не приватизирована? – выпалил Артем.

– Хм. Вот вы странный человек! – проронил Жучков. – Я же вам русским юридическим языком отвечаю. Конечно, нет. Не успел ваш отец распорядиться.

Артем, не веря, мотнул головой:

– Не может быть! Дайте посмотреть домовую книгу и журнал регистрации входящих документов! Немедленно!

Он так резко рассек ладонью воздух, что Жучков отшатнулся.

– Сказано вам, нет! Да и не положено вам смотреть нашу документацию. Вы не прокурор. Да и я, прости господи, не обвиняемый. Так что нет у вас таких прав, гражданин Павлов. И документов вашего отца у нас тоже нет. А на нет и суда нет, – ядовито подвел итог Жучков.

Павлов растерянно замер. Подобных отказов и юридических неудач у него давно не было. Рядовой начальник жилконторы нахально его отфутболил, и в принципе он был прав. А главное, визит участкового теперь выглядел вполне обоснованным.

«Это что же теперь? – мысленно охнул он. – Наша квартира вот-вот отойдет государству?»

«Дачники»

Дозвониться до человека, проживающего в дачной деревеньке Московской области, не так сложно, как до человека, отошедшего от мирской жизни. Василиса Георгиевна Павлова уже много лет вела затворнический, по современным понятиям, образ жизни. Ее тихое существование в старинном подмосковном городке Звенигороде нарушалось нечасто и лишь когда это было необходимо.

Для экстренной связи на даче был предназначен мобильный телефон, однако Василиса Георгиевна, как молчаливый, но последовательный противник всякой цивилизации, упорно его отключала. Бороться с ней было бесполезно, поэтому Артем и договорился с соседом, что в исключительном случае может позвонить ему и передать сообщение Василисе Георгиевне. Попытавшись безуспешно дозвониться до матушки, он поступил так и в этот раз.

Сосед, по счастью, оказался на месте и обещал за десять минут дойти до соседки и попросить все же включить молчащий мобильник. Артем подождал дежурные пятнадцать минут, вновь набрал мамин номер, и длинный гудок, не успев завершиться, тут же прервался знакомым голосом.

– Алло? Слушаю вас, – ровно и спокойно отозвалась матушка.

– Мамуля, это я, Артем, – Павлов нервно задрожал.

Он сглотнул неизвестно откуда возникший в горле ком. С потерей отца он вдруг впервые ощутил себя наполовину сиротой. Единственным близким и самым родным человеком оставалась мама. А ведь и она уже разменяла восьмой десяток.

– Артемушка? Сынуля, что случилось? – Мамин голос тоже дрогнул.

– Да, это я, мама. Ничего не случилось. Все нормально. – Артем едва справился с волнением.

– Ты что-то недоговариваешь? Я же чувствую! – настаивала она.

Павлов, услышав эти укоризненные интонации, вздохнул:

– Мамуля... от тебя никогда ничего не скрыть. Но ты напрасно тревожишься. Я просто о квартире хотел поговорить. Понимаешь... я искал документы по квартире. По папиной. Но дома ничего нет. Может, они у тебя?

– У меня? Ты что, Тема?! Отец все держал там. Поищи еще раз. А что тебе нужно-то? Какие документы?

– По приватизации, – уточнил Артем. – Я никак не разберу, он подавал документы или нет?

– Подавал. Я точно знаю, потому что мы с ним как раз по этому поводу поругались, – заверила сына мать.

Артем оживился; все начатое отец неизменно доводил до конца.

– Правда? А почему поругались? – ухватился Артем.

– Ох. Ну что он затеял на старости? Квартиру выкупать у государства. Куда это годится? – сетовала Василиса Георгиевна.

– А что здесь такого, мама? – аккуратно поинтересовался Артем.

– Да ну! Артем! Ты меня удивляешь. Мы жизнь прожили. Надо думать о спасении души, а не о бранных вещах. Я ему пыталась объяснить, что с квартиры этой не разбогатеть. Что богатеть надо с Бога, как говаривал отец Серафим Саровский. Но разве ж его переубедишь? Бедный Андрюша. Царствие ему небесное, – она громко вздохнула.

Артем подавил короткий вздох, он не находил аргументов против маминой позиции. Да и не могло их быть. Василиса Георгиевна давно жила глубоко духовной жизнью. Утро и вечер проводила в храме Божьем. Соблюдала все православные посты и правила и все время отмаливала себя, мужа, ну, и все грехи любимого сына.

– Мамочка, ты не расстраивайся. Я же не из-за денег или еще чего-то. Пусть бы и сто лет стояла без приватизации. Просто без документов меня в двадцать четыре часа вышвырнут из дома. И все! Привет семье. Я потому и звоню тебе. Посмотри. Вспомни. Может, он привозил эти бумаги. Ну где он обычно их держал? – Артем все еще не терял надежды.

Мать на мгновение задумалась и задала главный, наверное, вопрос:

– Как же так получилось, сынуля, что ты, такой компетентный юрист, а с нашими делами разобраться не можешь?

Артем занервничал:

– Мам! Да что ты такое говоришь?! Зачем ты так меня?

Мама глубоко вздохнула и... сказала все, что накопилось на душе:

– Прости меня, сынок, но у тебя времени для нас никогда не было. Сейчас вот звонишь, соседа взбаламутил. От меня бумаги требуешь. А зачем? Тебе молиться надо больше. И Господь не оставит, – назидательно подвела мать.

Артем знал, что совет – от всего сердца.

– Мама, но ты же знаешь, как папа говорил? – призвал он себе в помощь авторитет отца. – Бог-то бог, но и сам не будь плох!

– Правильно. Так вот ты мне и скажи, сынуля, что же ты сделал? – тут же отреагировала она.

Артем попытался найти достойный ответ и... промолчал.

– Все время обижаешься, что я телефон отключаю. А зачем он мне? Что я могу услышать?

– Тебе не интересно, как я живу? – спросил Артем. – Что у меня происходит?

– Ой, сынок. Конечно, я за тебя переживаю! Очень. Знаю, как тебе нелегко. Занят ты очень, здоровье не бережешь. Бросил бы все хотя бы сегодня, да и приехал. Нынче праздник великий. Но даже сегодня ты звонишь, – она снова глубоко вздохнула.

Артем пристыженно склонил голову, и мать это почувствовала.

– Ну, что ж поделать. Я привыкла. Отца не видела месяцами. Сына – годами... – И тут же подвела итог: – Так вот, ты уж сам реши все вопросы, сыночек. А я тебе не помощник. Мое дело – каяться и молиться.

Она замолчала, а у Артема пересохло в горле. У него были аргументы, чтобы веско возразить, но все они были совсем из иной жизни.

– Мамуля, прости меня. Я виноват, что мало времени уделял вам с отцом. Виноват, что тебя давно не навещал. Но я уже не могу бросить профессию, как и людей, которые мне доверились. Ты меня сама учила быть ответственным и честным. Если я обману людей, не помогу, не защищу, то и свой долг не исполню. Это не просто слова. Это мое убеждение. С ним же тоже надо считаться, мама.

– Да-да. Все так. Но с бумагами я тебе не помощница. Прости, сынок, – отрезала она.

– Да я и не прошу помогать, мам. Ты можешь хотя бы к нотариусу со мной подъехать? Я договарюсь, нас примут без очереди. Все равно надо оформить наследство. Нельзя так все бросить! – возмутился сын.

– А по мне лучше и не начинать. Оформляй, не оформляй, а отца не вернешь! Не это ему сейчас от нас нужно. Ему молитва наша требуется, для спасения души. Не знаю, не знаю, сынок. Не поеду я никуда, – упрямо твердила Василиса Георгиевна.

Артем сосредоточился:

– Хорошо. Тогда просто я к тебе подъеду с нотариусом. Договорились? Подпишешь доверенность, а я все сделаю сам. Раз уж я адвокат в нашей семье.

Мать промолчала.

– А ты все же посмотри у себя документы, – попросил Павлов. – Хорошо? Вдруг где-то завалился этот договор на приватизацию? – настаивал он.

Мама в который раз вздохнула и грустно констатировала:

– Ничего-то ты и не понял, сынуля. А ведь мы все на земле лишь временно. Приходим и уходим. Ох-хо-хо. Хорошо. Посмотрю. Спаси тебя Господь! Целую.

Она сразу же отключила телефон, но гудков Артем не услышал – современная мобильная телефония слишком рациональна, чтобы расходовать лишние сигналы. Тишина? Собеседник больше не отвечает? Значит, разговор закончен. Кратко, лаконично, экономно. Не случайно ваши разговоры меряются уже не на минуты, а на секунды. «Первые десять секунд за счет оператора!», «1000 секунд бесплатного времени каждый месяц!», «Двадцать секунд за счет входящего абонента!» – со всех сторон кричат рекламные плакаты, поделившие нашу жизнь на секунды и тарифы.

«А ведь мама права...» – зашептала совесть. Артем закусил губу.

В эту эпоху спрессованного времени Павлов и сам мерил жизнь делами, процессами, судебными заседаниями и, как ни прискорбно, гонорарами.

«Так, ближе к делу!» – оборвал он себя и принялся набирать номер нотариуса. И, конечно же, нотариус сказал то, что он и сам знал: если не подтвердить факта приватизации квартиры при жизни отца, оформить право наследства на нее не удастся.

Замок

Варвара Серафимовна Штольц дежурила у подъезда. Она ждала соседа, адвоката Павлова. Заходить к нему домой и тревожить, как вчерашней ночью, она уже не смела. Хотя Артем Андреевич был человек холостой, тем не менее девушки в его квартире появлялись, а некоторые даже задерживались на достаточно длительный срок. А Варвара Серафимовна была не так воспитана, чтобы совать нос в чужую жизнь – даже ненароком.

Собственно, два своих обещания Артем уже выполнил. Первое – все-таки подал жалобу на начальника жэка Жучкова, и тот прекратил издевательство над жильцами, включив-таки отопление, газ, воду и свет. Остался лифт, но по сравнению со всем остальным это было пустяком. Ну, и второе – адвокат мгновенно разыскал каким-то лишь ему ведомым образом выселенного посреди ночи Коробкова.

Варвара уже съездила в этот захолустный подмосковный поселок, где, как оказалось, и находится пресловутый «маневренный фонд» столицы, в который переселяют тех, у кого обостряются проблемы с квартирами и властями. Василий Васильевич чувствовал себя отвлеченно и не захотел долго общаться с бывшей соседкой. Он буквально выставил ее из своей новой халупы барачного типа, но напоследок потребовал во что бы то ни стало привезти адвоката Павлова. За этим Варвара Серафимовна и дежурила. И без десяти восемь вечера из подъехавшей машины показался пухлый крокодиловый портфель адвоката, а затем и весь его хозяин.

– О?! Варвара Серафимовна? Добрый вечер! Как здоровье? Как настроение? Что с теплом – квартира уже прогрелась? – искренне обрадовался соседке Артем Андреевич.

– Ой, не спрашивайте, Артем Андреевич. Вечер добрый и вам. Вот жду вас битый час. Просьбу должна передать, – замялась соседка.

– Какую? От кого? – насторожился Павлов.

За последние дни он получил немало просьб от своих соседей и жильцов дома. Того и гляди, придется стать адвокатом-надомником и работать только по вопросам ЖКХ. Вот уж что-что, а подобная перспектива Артему не улыбалась.

– Артем Андреевич, это не моя просьба. Это от Василия Васильевича. Вам большое спасибо, что нашли его. Я сегодня у него была, – заторопилась Варвара Штольц.

Лицо адвоката смягчилось.

– Да? Ну и как он? – усмехнулся Павлов.

– Очень плохо. Очень. Он какой-то не в себе. Вытолкнул меня прочь и потребовал вас прислать. Вот и вся просьба, – развела руками старушка.

– Потребовал? – удивился Артем.

– Да! «Вези, – говорит, – срочно! Без Павлова не возвращайся». И еще сказал так: «Времени у меня нет. Остались считанные дни». Вот так прямо и сказал.

Артем нахмурился.

– Странно. Темнит что-то ваш Василий Васильевич.

Ему категорически не нравилась эта переданная в приказном тоне просьба. Сейчас, когда семейная квартира буквально висела на волоске, времени разъезжать по «поручениям» Коробкова и Штольц попросту не было.

– Сама ничего не пойму. – Варвара Серафимовна сглотнула наворачившиеся слезы. – Вы уж помогите, Артемий Андреевич. Не оставьте старика. Он же не вредный. Это он к старости обозлился на людей. А так Васенька всегда был просто душкой. – Она снова смахнула выступившие слезы неизвестно откуда появившимся кружевным платочком.

Павлов приблизился к старушке и пожал ее холодную мягкую руку.

– Не волнуйтесь, Варвара Серафимовна, сегодня же его навещу. Идите домой, а то замерзли уже.

Соседка благодарно всхлипнула, и Артем вошел в подъезд и поднялся к себе на этаж. Сунул ключ в замочную скважину и понял, что тот не подходит.

– А это еще что?! – недоуменно повертел ключ перед носом.

На его двери была наклеена тонкая полоска бумаги. Точно такая, какая появилась чуть раньше на квартире Коробкова. Павлов дернул бумагу и прочитал: «Служба судебных приставов».

«Я не понял, Шамиль, это что – неудачная шутка?»

Он снова повертел ключом – без толку. Нагнулся, пригляделся и с ужасом увидел, что замок явно поменян, а чуть ниже на двери появился еще один – врезанный уже сегодня. Павлов замер и сделал последний шаг – с силой вдавил кнопку дверного звонка. Еще и еще раз. И вот тогда за дверью послышались голоса и шаги. Кто-то повозился с замком. Дверь открылась, но... лишь на длину дверной цепочки. На Артема смотрели две пары настороженных и совсем незнакомых глаз.

Самозванцы

– Чего надо? – Дуэт невидимок с подозрением разглядывал ночного гостя.

Артем зажмурил и снова открыл глаза. Стоять на пороге собственной квартиры и отвечать на вопрос, что ему здесь понадобилось, было нелепо, странно и до некоторой степени обидно. Павлов перевел дыхание, сделал короткую паузу и, убедившись, что наваждение не проходит, криво улыбнулся:

– Я не понял, вы кто? Как вы попали в чужую квартиру?

Захватчики переглянулись.

– Мы вселились по решению суда. У нас все бумаги в порядке. А вы-то сами кто?

– Артем Павлов, с вашего позволения, – выдал адвокат, – хозяин этой квартиры.

Он взялся за ручку двери, с силой дернул ее, но цепочка, когда-то установленная по настоянию отца, была привернута основательно. Люди за дверью от такого резкого жеста отпрянули и попытались захлопнуть дверь в квартиру. Но Артем удержал ее и тут же попросил:

– Подождите! Я не буду больше рваться, но мне нужно разобраться. Поймите, до сегодняшнего дня я жил в этой квартире.

– Долго? – почему-то спросили из-за двери.

– Очень. Всю жизнь. И вот я вернулся с работы и вижу новый замок, а затем и вас. Что я должен думать в этой ситуации?

Захватчики замерли, а он принялся лихорадочно соображать, кто может помочь в этот поздний час, да еще в такой глупейшей ситуации. Полез было в портфель, но тут же вспомнил недавний разговор, охнул, порылся в кармане и вытянул карточку участкового капитана Аймалетдинова. Это было ровно то, что надо.

– Секунду, – скупым жестом потребовал внимания Артем. – Это, скорее всего, досадное недоразумение. Давайте разберемся вместе. Предлагаю позвать участкового. Он все-таки представитель исполнительной власти, вот пусть и разберется. У вас ведь все документы в порядке, значит, бояться нечего?

Захватчики переглянулись и кивнули:

– Согласны. Звоните.

Артем быстро набрал оставленный участковым номер телефона, и Аймалетдинов практически сразу ответил – довольным мурчащим голосом:

– Ал-ло-оу.

– Рашид Эльдарович, адвокат Павлов вас беспокоит. Вы не могли бы подойти сейчас ко мне домой? Очень срочный вопрос, – ободрился Артем.

– Павлов? А-а-а, добрый вечер. Подойти? Сейчас? Так уже время вроде как позднее. У нас с вами как-то не складывается разговор на ночь глядя. Зачем? – хитрил мент.

Артем усилил напор:

– Я вас очень прошу, товарищ капитан. В моей квартире посторонние люди. Они ее заняли. Я не могу попасть в свою квартиру. Понимаете?! Не на улице же мне ночевать! Если вы не придете, могут быть непредсказуемые последствия.

В телефоне сама собой возникла пауза.

– Вы на что намекаете? Что за последствия? – осторожно поинтересовался капитан милиции и обреченно вздохнул: – Ну, хорошо. Сейчас подойду. Ждите. Минут через пять-семь буду.

Беженцы

Довольно быстро взаимно стоять перед приоткрытой дверью и смотреть друг на друга в щель стало тягостно.

– Скажите, хоть как вас зовут? – предложил Артем. – Сколько вас там вообще?

«Подселенцы» переглянулись.

– Нас трое. Я – Николай, моя жена Лида и дочь Лялечка. Только она уже спит. Так что я прошу вас говорить потише.

– Хорошо, – согласился Артем, – только я не пойму, там же мои вещи... Неужели у вас не возникло мысли, что эту квартиру занимать незаконно?

Оппоненты заволновались.

– Мы ваши вещи не трогали, – начал оправдываться Николай. – И вообще, у нас есть все бумаги, что квартира пустая. Поэтому нам ее и предоставили.

– Мы, знаете ли, тоже пострадавшие, – с надрывом подхватила Лида. – Два года как мыкаемся. Нас бомжами сделали такие, как вы, юристы!

Павлов увидел, что затронул больное, и развел руками, демонстрируя миролюбивость своих намерений.

– Да вы не волнуйтесь. Я же вижу, что вы не воры и не налетчики. И вообще, давайте попробуем потише говорить, тем более у вас там девочка спит. Кстати, сколько ей? – попытался заигрывать адвокат.

– Полтора года вчера исполнилось, – с нежностью произнес мужчина.

Артем мысленно посчитал и удивленно переспросил.

– Так вы что, скитались с беременной женой?

– Да-а-а. А вы откуда знаете? – насторожился Николай.

– Вы же сами сказали, что бомжете два года, а дочке полтора, значит, полгода с беременной женой были без жилья. Так ведь? – резонно возразил Артем.

– Ну, так, – Николай вздохнул. – Вы даже не представляете, что такое забирать жену из роддома в ни-ку-да! Понимаете? В ни-ку-да! – надрывно взвыл мужчина.

– Я вас понимаю, – сочувственно кивнул Павлов.

– Ничего вы не понимаете! – вспыхнула Лида. – Как вы можете это понять? Живете в таком шикарном месте. Ни забот, ни хлопот!

Павлов невесело рассмеялся:

– Вообще-то, сейчас вы в «шикарном месте», а я на улице. Никому не желаю попасть в мое положение. И, уж поверьте, я вас понимаю, как никто.

Сложно сказать, что подействовало – то, что Павлов перестал удерживать дверь, или искренние слова, но его попытались рассмотреть получше. Глаза Николая приблизились к цепочке, и Артем увидел наконец лицо молодого мужчины, заросшее бородой, усами и длинными волосами. Этаким «геолог», вернувшийся из очередной экспедиции.

В этот момент и послышалось позади тяжелое сопение. Капитан Аймалетдинов наконец добрался до квартиры адвоката.

– Здравствуй! Ну что, граждане, в чем проблема? Господин Павлов, кто у вас там засел? – Он протиснул свой нос в щель и скомандовал: – Эй, граждане, а ну выходи по одному!

При виде стража порядка лохматый «геолог» Николай снял цепочку и предстал перед адвокатом и милиционером в полный рост – в тапочках на босу ногу и замызганном махровом халате. Но Аймалетдинова сейчас интересовал вовсе не самозахватчик.

– А я вас предупредил, – повернулся он к адвокату и укоризненно покачал головой. – А вы мне не верили. И вот к чему это привело. А теперь ко мне обращаетесь. Ладно, сейчас разберемся.

Участковый снова повернулся к двери и сурово гаркнул:

– На каком основании заняли квартиру? Документы! Паспорта! Поторопись, поторопись! – и нагло шагнул вперед. Через плечо кивнул Павлову: – Заходите за мной.

Опешивший от такого демарша Николай ретировался и скрылся в комнате Артема, где, видимо, хранил документы, а Павлов с Аймалетдиновым прошли на кухню. Капитан по-хозяйски расселся за столом и, не стесняясь, заглянул в чайник. Подтянул чистую чашку и налил себе одной заварки. Сделал глоток и подмигнул так и оставшемуся стоять Артему:

– Не волнуйтесь, господин адвокат. Бывает. – Потом сделал хитрые глаза и почти шепотом ехидно спросил: – А что товарищ генерал-полковник? Не помог вам? Да-а-а, дела-а-а...

Артем заиграл желваками, но, по сути, Аймалетдинов был прав. А тем временем в кухне появился Николай и его жена Лида, совсем юная девочка с измученным и запуганным бледным лицом. Николай положил на стол перед Аймалетдиновым толстую пластиковую папку с резинками. Лида стояла рядом и, утирая непросыхающие слезы, дрожала всем телом. Павлов даже подумал, что она из того типа дам, которые все решают через свою слезливость. Капитан же тем временем разбирал документы.

– Так-так. Посмотрим. Свидетельство о рождении ребенка, свидетельство о браке, паспорта. Один и второй. Тэк-тэк, ага. Прописочки-то и нет. Выписан, выписана. Что ж так-то? – укоризненно оглядел он парочку и продолжил разбор бумаг. – Определение суда, исковое заявление, протокол, исполнительный лист, договор соинвестирования, договор уступки прав на строительный объект, договор на право оформления договора соинвестирования, у-уфф! Сколько же у вас тут всякой всячины?

– Так больше двух лет судимся, товарищ капитан, – напряженно выдавил Николай. – Три решения суда, три исполнительных производства. Толку – ноль. Если б не надумили мудрые люди пойти с иском, так мы и сегодня бы на улице ночевали. Я больше суток у судебных приставов дежурил...

– Секундочку! Я-то здесь при чем? – возмутился Павлов; он через плечо капитана пытался вчитаться в документы, но никак не мог связать эти бумаги с заселением в его квартиру.

Николай пожал плечами:

– А ваша квартира числится свободной. Прописанных нет.

Аймалетдинов почесал затылок:

– Так-то оно так. Действительно, хозяин умер неделю назад. Только вот гражданин Павлов сын его и пока проживает в квартире. Правда, не прописан... – он укоризненно посмотрел на Артема.

В его глазах Павлов ясно читал все, что думает по его поводу участковый. И об унижении, которое он испытал от разговора по телефону с заместителем министра, и об отказе напоить чаем, и о самой профессии адвоката Павлова, мешающего «восстанавливать правопорядок». Однако вслух капитан вдруг заявил:

– Значит, так, граждане... Судебные приставы для меня не указ. Гражданин Губкин и вы, гражданочка, одевайтесь и на выход с вещами. Ошибочка произошла. Здесь проживает адвокат Павлов, а вы квартиру заняли незаконно. Попрошу освободить помещение!

Участковый встал, напялил фуражку и резко вытянул руку, указывая на выход. И так все время дрожавшая гражданка Губкина затряслась еще сильнее и зарыдала:

– Как?! Куда?! Ой-ой-ой! Боже мой! Опять?! Я этого не вынесу...

Пожалуй, она рухнула бы на пол, если бы ее тут же не подхватил муж.

– Лидочка, не плачь. Все образуется. Все равно это жилье было временным. Не про нашу честь квартира на Арбате. Давай будить Лялечку, – он сам едва сдерживал слезы.

Павлов потер виски, выдохнул воздух и решительно встал между Аймалетдиновым и супругами.

– Секунду. Товарищ капитан, огромное спасибо, что так быстро разобрались. Дальше мы сами. Никуда они не пойдут на ночь глядя, – он подтолкнул Николая. – Идите к ребенку, я все улажу.

Николай, подхватив свою жену, скрылся в комнате, и Артем повернулся к капитану:

– Еще раз спасибо. Правда, мы же не звери, посреди ночи выталкивать людей на улицу. Да еще с ребенком.

Участковый усмехнулся:

– Не я этого хотел. Вы попросили! – с ударением на последнем слове произнес он.

Павлов лишь развел руками:

– Ну, бывает. Нет, вам реально спасибо, а то бы я сегодня на улице ночевал. Так хоть домой вошел. Честно говоря, я не думал, что такие вещи могут и у меня в квартире происходить. Читаю, слышу, дела веду, но... не ожидал.

– Хм. Бывает. Ладно. – Аймалетдинов махнул рукой и двинулся на выход. Дорогу он уже запомнил.

Артем проводил его до двери и на пороге протянул руку. Капитан чуть помедлил, как бы разглядывая протянутую руку, пожал ее и сказал на прощание:

– Но только больше, Павлов, я, как пожарная команда, к вам не прибегу. Прощайте. За квартиру вашу тоже ручаться не буду. Всякие дела у нас на участке случаются... – многозначительно поднял он брови и поспешил вниз по лестнице.

Артем вздохнул. Ему порядком надоели эти недосказанности, хотя и без них ситуация неуклонно накалялась. Возможно, подселение супругов Губкиных было простой ошибкой судебных приставов. Тогда ее можно быстро и безболезненно, если не считать нервы и чувства самих Губкиных, разрешить утром. А если это не ошибка? А что тогда? Артем задумался. Выселение Коробкова, отключение коммуникаций и, наконец, просто физическое заселение чужих людей в квартиру отца... события выстраивались в ясную роковую череду.

«Что это? Квартирное рейдерство? Жилищный коллапс?»

Артем зашел в кабинет. На самом краешке его диванчика примостились Николай и Лида, и смотрели они на хозяина этого диванчика испуганно и даже затравленно.

«У них, похоже, вообще мебели нет... – отметил Артем. – Или у родителей держат».

– Все. Пока вас никто не тронет. Можете ложиться спать. И, кстати, Николай, дайте-ка мне ваши бумаги. Станный у вас какой-то договор. Я все равно не усну, пока не разрешу эту загадку. Посижу, помозгую... – Павлов зевнул.

– Только... господин Павлов... есть проблема, – Николай замялся и переглянулся с женой.

– Мы вас узнали. Это ведь вас все время по телевизору показывают? – подтвердила она. Артем удивленно поднял брови.

– Ну и что? В чем проблема? – Он не понимал, к чему клонит эта парочка.

Николай обреченно опустил плечи.

– У нас нет таких денег, чтобы заплатить за вашу работу, – почти прошептал Губкин.

Артем на мгновение опешил, а затем, сокрушенно покачивая головой, рассмеялся. Эти многократно кем только не ограбленные люди, невзирая ни на что, пытались оставаться прямыми и честными.

– Будем считать, что у меня Ленинский субботник.

Дядя

Третья турка кофе «по-арбатски» и темная зимняя ночь постепенно подходили к концу, когда Артем Павлов наконец уловил смысл комбинации, проделанной с семьей Николая Губкина. Ловкие ребята организовали трест, точнее, «товарищество на вере», собирая с будущих владельцев квартир деньги из расчета полтысячи долларов за квадратный метр. Николай, в частности, сдал пятьдесят тысяч, рассчитывая на квартиру площадью под сто метров. Однако поперек его планов встали еще три таких же инвестора, внесшие такие же суммы за такие же метры. И не было бы никакого спора, если бы организаторы построили три одинаковые квартиры. Но они строили только одну. Одну – на троих. А потому лишь один из пайщиков имел шанс заполучить жилплощадь в построенном доме. И этим счастливым оказался отнюдь не Николай Губкин.

Естественно, в данной ситуации Павлов советовал бы идти в суд; выиграть такой процесс не составляло особого труда. Если бы не пренеприятнейшее «НО». Это «НО» заключалось в том, что ни одной из имеющихся на руках у Губкина бумаги не было написано как положено, по закону. Все договоры носили какую-то косвенную форму. То есть по названию и по фразам они вроде бы обуславливали приобретение Губкиным квартиры по окончании строительства, но все – через массу условностей и условий, вписанных между строк этих соглашений. Павлов уже в который раз перечитывал объемные документы и все никак не мог ухватить все время ускользающую обязанность девелоперов хоть что-то и когда-то в обозримом будущем горевинвестору отдать. Он допил кофе и взъерошил волосы.

– Ну и ребус! Ай да волшебники! Ну, ничего, братцы, мы вас прихватим с другой стороны.

Он тут же начал заполнять чистый лист понятными лишь ему сокращениями и цифрами. Постепенно исписав одну страницу, взял вторую и третью. Наконец остановился. Бросил ручку и, вскочив из-за стола, выдал несколько па степа. Отстучал незамысловатый мотивчик и заслуженно похвалил самого себя:

– Ну, Павлов! Ну, молодец! Возьми с полки пирожок. Попались, голубчики.

Довольный найденной схемой, он хлопнул в ладоши и только сейчас увидел стоявшую в дверях крохотную девочку с соской-пустышкой во рту. Белобрысенькая, с голубыми глазами девчушка изумленно гладела на смешного дядьку, который сперва плясал, а теперь хлопал сам себе в ладоши. Малышка улыбнулась и тоже захлопала в ладошки. Артем присел перед ней на одно колено и приложил руку к груди.

– Здравствуй. Я – Артем. А ты кто?

Девчушка вытянула соску, удивленно подняла бровки и ответила:

– Ля-ля, – и тут же вернула пустышку на место.

Позади девочки появилась мама. Она спешно обхватила ее руками и быстро залепетала:

– Ой, простите, извините нас. Она проснулась и сбежала. Кроватки нет детской. Слезла с кресла, и вот. Извините.

– Да о чем вы?! – рассмеялся Артем. – Не надо извиняться. Мы с ней здорово пообщались. Отличная девчонка! Лялька?

– Откуда вы знаете? – насторожилась мамаша.

– Она сама мне сказала.

Мама девочки покачала головой и грустно произнесла:

– Ах, если бы... из-за этих скитаний у нее что-то нарушилось. Врач говорит, нервное. Вообще ничего не говорит. Хоть тресни!

– Но... – попытался возразить адвокат, но женщина всхлипнула, порывисто подхватила хрупкого ребенка на руки, прижала к себе и, сглотнув слезу, поцеловала в пушистые кудряшки.

Павлов на мгновение отвел глаза, а потом все-таки подошел к ним и мизинцем пощекотал девочке ее маленькую ладошку. Та улыбнулась и, отдернув ручонку, снова достала изо рта соску. Павлов тихонько наклонился над малышкой, подмигнул ей и повторил:

– Я – Артем. А ты кто?

– Ля-ляська! – звонко закричала девчонка.

Ее мама чуть не выронила ребенка.

– Чудо! Чудо какое! Коленка! Лялечка заговорила! Боже мой! Какое чудо! – она уже не сдерживала слез.

Из коридора прибежал растрепанный и, кажется, еще более лохматый, чем накануне, Николай Губкин.

– Что? Кто? Что случилось? Лида! Что происходит?

– Она сказала «Лялячка»! – счастливо всхлипнула мать.

– Нет. Неправильно, – возразил Артем и снова дотронулся мизинцем до ладошки Ляли и повторил: – Ля-ля-ська!

– Ля-ля-ська! – словно эхо отозвалась девочка.

Теперь уже Николай растроганно шмыгнул носом, и Артем, глянув на часы, поднял руки:

– Так. Соседи! Хватит разводить сырость! Лида, готовьте нам с Николаем завтрак. А ты, Лялечка, иди к папе.

Он подхватил ребенка, передал Губкину и кивнул на свободный стул:

– Садись! И слушай, что я надумал. Для тебя, Николай, это единственный путь к жилью. Да и Ляле полезно попрактиковаться в юриспруденции.

Артем слегка прикоснулся к ее ручке губами, и девочка, словно кокетливая барышня, захихикала и внятно произнесла:

– Дя-дя!

Договор

Пока Лида хозяйничала на павловской холостяцкой кухне, Артем втолковывал Николаю свой план действий. Идея была проста. Адвокат предложил не гнаться за призрачной квартирой, которую так и не построили, а вернуться к самому началу истории – с одной целью: вернуть вложенные первоначально деньги, признав договор незаключенным, так как не был оговорен существенный момент – точное описание объекта будущей купли-продажи. Раз не оговорили, что это будет за квартира, какая у нее будет планировка, точный метраж, расположение комнат, балконов, санузлов, то и признавать этот договор состоявшимся бессмысленно.

– Иначе договор получается ни о чем. То есть о чем-то вроде квартиры, но о какой точно, неясно. Я не могу продать вам машину вообще, а не конкретный «Запорожец» или «Мерседес». Ясно?

Артем подхватил вилкой кусок омлета со сковородки и описал круг перед носом жующего Николая. Тот кивал и с восхищением следил за рассуждениями адвоката. Никто и никогда столь доходчиво не объяснял суть правоотношений, в которые их занесла нелегкая два года назад.

– А как же упущенная выгода? – внезапно поинтересовался Губкин.

Павлов одобрительно кивнул:

– Молодец! Ты, Микола, делаешь успехи. Не было ни полушки, а тут целый алтын! Appetit приходит во время еды. Так, Ляля? – Павлов подмигнул продолжавшей замороженно следить за ним девочке, и та охотно кивнула в ответ:

– Тяк!

– Вот. И ребенок согласен. А устами девочки Лялечки сейчас на этой кухне глаголет сам господь бог! Так что, родители, прислушайтесь к дочке. Короче, Коля, то, что ты называешь «упущенной выгодой», это все имеет денежное выражение. Правильно?

– Ну да. Я про деньги. – Николай даже покраснел от возбуждения.

– Что ж, Николай, – поддержал его адвокат, – все верно. Вы не касса взаимопомощи! Они на ваши деньги строились, бизнес развивали. Почему же им все, а вам ничего? Несправедливо. А закон любит справедливость и разумность. Так?

– Тяк! – громко и звонко повторила Ляля.

– О! – поднял указательный палец вверх Артем. – Прислушайтесь, родители. Будущий юрист, точно, подрастает. А сколько взыскать, вы еще не думали?

Николай засмутился, и Павлов, прикинув, что могло набежать за два года, сам же и предложил:

– Разумно взыскать процент за пользование чужими деньгами. К вашим пятидесяти внесенным это еще почти четверть. Итого шестьдесят три.

Лида с Николаем переглянулись, и Губкин вздохнул:

– Ну, если вы так в этом уверены, то пусть так и будет. Мы вам доверяем. Но только еще один вопрос, – он жалобно посмотрел на Павлова. – Можно мы пока у вас поживем?

Уже позавтракавший Артем посуровел и поднялся из-за стола.

– Только при одном условии!

Губкины снова переглянулись и в унисон пролепетали:

– Мы согласны на все. Какое?

Пожалуй, если бы потребовали почку или глаз, отдали бы, не задумываясь. Артем сдвинул брови так, что даже Ляля перестала улыбаться.

– Вы немедленно, прямо сей же момент... дадите мне ключ от нового замка.

Отказ

Выйдя из подъезда, Артем, вопреки обыкновению, присел на лавочку, мысленно перебрал все, что ему предстояло сделать, и загрустил. Он просто обязан был до конца выяснить, как именно погиб отец. Однако этому обещанию, данному себе, мешало другое обещание, данное Варваре Серафимовне, – навестить выселенного посреди ночи Коробкова. К этому добавлялось взятое на себя обязательство помочь Губкиным. Ну и ситуация со своей собственной квартирой требовала немедленных действий; несмотря на уже лежащий в кармане ключ от нового замка, он, выросший в этих стенах, юридически был никем.

– И с чего начать?

Предпочсть одно другому было попросту невозможно, а главное, над ним дамокловым мечом висели текущие интересы клиентов, отодвинуть которые для адвоката совершенно немислимо – такая уж это профессия.

Артем энергично выдохнул и решительно поднялся со скамьи.

– Пять минут потрачу у следователя, и – в суд.

И все двинулось по плану: в Главное следственное управление при ГУВД Артем добрался, как и рассчитывал, быстро. Так же быстро мог решиться и вопрос о возбуждении уголовного дела по факту гибели отца. Но следователь Иван Ильич Зоткин улыбался, пожалуй, слишком широко, чтобы действительно заниматься проблемами адвоката. Заявление Павлова с требованием возбудить уголовное дело, поданное почти неделю назад и переданное по цепочке исполнителей, лежало прямо перед ним – но и только.

– Иван Ильич, – как можно теплее обратился Артем, – не будем говорить о вашей занятости. Сам, как говорится, такой.

– И то спасибо, что понимаете, – еще шире улыбнулся следователь.

– И все-таки, несмотря на занятость, вы, как человек с опытом, вероятно, что-то уже предприняли? – предположил Артем.

Зоткин отвел глаза.

– Хм. Верно... И вот, как человек с опытом, я скажу следующее: мы по закону должны вам ответить в пределах десяти суток. Так?

Артем насторожился.

– Не хотите ли вы сказать, что даже сейчас, на шестой день после факта гибели, у вас нет даже свидетелей?

Зоткин пожал плечами:

– А откуда им взяться, Артемий Андреевич? Поздняя электричка, почти пустые вагоны, да и народ наш... не слишком любит давать показания в суде...

Это Павлов и сам знал. Привыкшие к безнаказанности как преступников, так и покрывающих их людей в погонах, люди сторонились и тех, и других. Однако сейчас требовалось не радеть за всеобщую справедливость, а подтолкнуть следователя начать работать до того, как истечет десять суток.

– Но мы можем и сейчас все прекрасно решить.

Артем не был наивным адвокатом, хотя порой он себя таковым именовал. Он знал, что для начальника отдела всемогущего гэсэу вести дело о смерти пенсионера с непонятным итогом, за которое никто не будет ни платить, ни помогать, было совершенно неинтересно. Это вовсе не означало, что за каждое возбужденное дело он получал какие-либо взятки или откаты. Отнюдь, схема работала гораздо сложнее, и заказные дела проходили весьма завуалированно. При всей «невинности» полковника Зоткина мимо него не проскакивал ни один жирный «клиент». Дальше следственный конвейер подхватывал очередного «лоха» и крутил его до победного конца, пока излишний «жирок» не сойдет и не осядет в правильных карманах.

С другой стороны, следователь должен был понимать, что с «пассажиром» типа адвоката Павлова шутить не получится, а вот составить выгодный дуэт вполне возможно.

– Если дело будет возбуждено, – пообещал Артем, – вы сможете комментировать ход расследования сколь угодно широко. Уж выход в телерадиоэфир вам гарантирован. Это я обещаю. Внакладе не останетесь.

Глаза полковника на миг загорелись. Всем юристам, и следователи не исключение, рано или поздно хочется публичности и славы. Проблема заключалась в другом: дело обещало стать «висяком», а Павлову будет нужен результат.

– Внакладе? Нет. Не останусь. Мы вам откажем, господин адвокат. Нет здесь состава преступления. Я сожалею о вашем отце. Сам про него много слышал, но следствие здесь бессильно. Нет преступления. Трагедия есть, а криминала нет.

– Но экспертиза... – начал возражать Артем, и Зоткин упреждающе поднял руку:

– Экспертиза ничего внятно указывающего на преступное действие не показала. Это просто несчастный случай. При чем здесь УК? Так что извините. Отказ получите по почте. Обещаю не задерживать. – Он равнодушно посмотрел на Павлова и все-таки добавил: – Порядок обжалования знаете сами. Ведь будете жаловаться?

Артем поднялся со стула.

– Буду!

Блиц

В Арбатском межмуниципальном районном суде, где он бывал всего пару раз за свою пятнадцатилетнюю адвокатскую карьеру, царил вечный судебный хаос. Казалось, правосудие рождается из криков истцов, слез ответчиков, бумажных пикировок экспертов, свидетельских неявок, просроченных повесток, потерянных папок с делами и доказательствами и материализуется через конкретного и единственного человека – судью.

Так и должно быть, вот только судья этот совершенно не идеален, склонен к полноте, мечтает об отпуске или хорошем добром муже, натирает до мозолей ноги неудобными туфлями, страдает от геморроя и мучается под тяжестью душевной мантии, а приходится через силу олицетворять закон, справедливость и выносить решение «именем республики».

Тем не менее судебная машина при всей ее неповоротливости и громоздкости работает и – плохо ли, хорошо ли – но правосудие вершит, особенно если тяжущиеся стороны дали себе труд изучить инструкцию по применению этой машины. Павлов инструкцию знал назубок, а потому в три часа обошел все необходимые его клиентам инстанции и наконец добрался до дежурного судьи. Именно в этот кабинет вела самая длинная, невероятно длинная людская очередь.

Павлов слегка поклонился готовящейся войти в кабинет следующей по очереди пожилой даме и обратился к очереди – ко всей сразу:

– Товарищи, разрешите адвокату зайти на четыре минуты?

Очередь промолчала, а старушка нервно пожевала губами:

– А вам по какому вопросу?

Павлов с отчаянной веселостью развел руками:

– Вы будете смеяться. Наш дом сначала отключили от света, тепла, газа. Затем соседа выкинули из квартиры, а в мою – вселили чужих людей. Вроде бы все случайно.

– О-о-о! – выдохнула очередь.

– Не повезло.

– Ну, идите уж.

– Только быстро. У меня спор с пенсионным отделом.

– Давай-давай!

– Пять минут хватит?

– Вполне! Спасибо, граждане! – искренне поблагодарил Артем и с чувством диверсанта, переходящего нелегально границу, проскользнул в дверь.

Нет, это не было таким уж бесстыдством. По негласному правилу адвокаты, прокуроры, следователи, да и все работники правоохранительных органов проходили к судьям вне очереди. Просто к адвокатам относились более предвзято, и они чаще всего спрашивали разрешения страждущих в очередях. И страждущие чаще всего не пропускали: нужно же было отыграться за свои обиды хоть на ком-то, имеющем отношение к судебной системе.

Естественно, все зависело от тех, кто спрашивает, и от тех, кто отвечает. Но как часто говаривал кумир Павлова Цицерон: «Чтобы получить правильный ответ, задайте правильно вопрос!» Сегодня это Павлову удалось, и он в мгновение оказался перед очами судьи Костыльковой.

– Слушаю. Садитесь, – не глядя, кивнула в ответ на приветствие адвоката судья.

– Добрый день. У меня исковое заявление семьи Губкиных по инвестиционному контракту на строительство жилого дома.

Судья вздохнула:

– Вы будете сто тридцать пятым.

– Не думаю. – Артем пытался поймать ее взгляд. – Мы предлагаем пойти по другому пути.

– В смысле? – слегка заинтересовалась служительница Фемиды и даже подняла грустные голубые глаза на посетителя.

– Признать договор незаключенным. Вернуть стороны в исходное состояние. А также привлечь к участию в деле антимонопольное ведомство. Пусть они хоть раз встанут на сторону жильцов, которые вынуждены бороться одни против девелоперов, подрядчиков, московских властей и строительных корпораций и ведомств.

Подход к уже набившей оскомину проблеме был новым, и судья заинтересовалась.

– Хм. Необычный ход. Думаете, поможет?

– Уверен, – кивнул Павлов. – По моему разумению, при отсутствии четких сроков сдачи и описания конкретной продаваемой квартиры так вопрос поставить вполне реально.

– Так. Что еще?

– Плюс привлечем в качестве третьего лица Министерство капитального строительства. Раз они выдают лицензии и осуществляют надзор, то пусть поделятся и ответственностью. Все ж таки государство социальное. Так, кажется, все время утверждает президент? Или вы не согласны?

– Почему не согласны? Все правильно. Ваше право привлекать. Давайте бумаги. На собеседование когда можете прибыть?

Костылькова открыла толстую амбарную книгу, разлинованную вдоль и поперек. Все ее бумажное пространство было исписано различными фамилиями, которые обозначали конкретные дела и тяжбы. Она поводила ручкой над книгой и замерла над узкой свободной строчкой.

– Есть два часа в пятницу. Времени осталось немного. Да и не придут, скорее всего, ваши ответчики... но три дня срок разумный. Если только вы сами сегодня их известите и мне принесете подтверждение. Годится?

Артем замер. Времени ему кадастровически не хватало, но и отказываться было нельзя.

– Вполне, – решительно рубанул он воздух ладонью. – И ответчиков известим, и вам подтверждение представим. С вашего позволения, я и антимонопольщикам, и Минстрою передам вызовы?

– Пожалуйста. Секретарь все вам подготовит и оформит. Все. До пятницы! Следующего приглашайте.

Артем вскочил и перешел в соседний кабинет, где кипела работа по подготовке дел: выписывались повестки, подшивались бумаги, дописывались протоколы. Два секретаря и два помощника не покладая рук заправляли всей судебной кухней. Павлов машинально посмотрел на часы. Беседа заняла четыре минуты и двадцать секунд. Завет доброй старушки из очереди был выполнен. Оставалось известить ответчиков.

Министр

Попасть к министру капитального строительства в эпоху строительного бума считалось задачей менее реальной, чем, посещая с туристическим визитом Ватикан, заглянуть на чай к папе римскому. Последний был хотя и ближе к Богу, но куда как более достигаем для простых смертных. Павлов, кстати, сам тому был живым свидетелем. Как-то воскресным майским утром, гуляя по площади Святого Петра в Вечном городе, он неожиданно оказался под балконом понтифика, который выступал с проповедью. И слышать его могли все.

Егор Кузьмич Ковтун не был небожителем, но всю сознательную жизнь стремился ввысь. Он строил дома. Человек немолодой, прошедший путь от курсанта инженерного училища до генерал-полковника строительных войск, он после выхода в отставку оказался нужен и в народном хозяйстве. Его огромный опыт по части создания, планировки и застройки новых территорий нашел применение в недавно созданном министерстве.

Работа оказалась интересной. Новый президент, посоветовавшись с премьером, учредил ведомство, специально уполномоченное следить за безудержно растущим строительным рынком. Причем определение «безудержно» не оказалось преувеличением. Только за последний год количество девелоперов, то есть тех, кто, упрощенно говоря, организует строительство, превысило количество строящихся в стране объектов. То есть выходило, что на одно здание приходится по два-три организатора!

Естественно, рано или поздно этакая «заорганизованность» неизбежно вела к кризису, а то и катастрофе строительного рынка. На подъеме индустрии и разразившемся на фоне извечного «совкового» дефицита жилья строительном ажиотаже неплохо грели руки все, кто мог дотянуться до распределителя строительных благ. Препятствовать этому и был призван Егор Кузьмич.

Противостояние силам наживы настолько занимало время Ковтуна, что три секретарши едва справлялись со звонками, непрерывно повторяя одну и ту же фразу: «Перезвоните через неделю. На этой у Егора Кузьмича все расписано». Павлов, столкнувшись как-то с этим, сразу не без ехидства подумал: «Интересно, а если перезвонить через две недели? Неужели нельзя придумать что-то пооригинальней?» Но... преподанный урок учел и в следующий раз уже не постеснялся задействовать связи отца.

Вот и сегодня он решительно подключил персональные контакты и уже через полчаса ожидал в приемной Ковтуна – под шквал телефонных звонков и ответные заверения трех пышнотелых див, что Егор Кузьмич на этой неделе ну абсолютно недоступен.

Резкий гудок, и одна из секретарш приподнялась и кивнула Павлову:

– Артемий Андреевич, проходите. Егор Кузьмич вас ожидает. Чай? Кофе?

– Спасибо. Стакан воды.

Артем не заставил себя упрашивать и под завистливые взгляды остальных посетителей прошел сквозь тройной тамбур из огромных дубовых дверей.

«Интересно, а тем, кто не попадает на прием, чай и кофе не положены?» – пронеслась глупая мысль.

– Заходи, заходи! Вот ты какой стал.

Тучный, как огромный медведь гризли, Ковтун встал из-за стола и вышел навстречу Артему. Обхватил его и сильно прижал к себе. От него пахло луком, чесноком, дорогим коньяком и сигарным табаком. Недавний обед, видимо, удался на славу. Министр легонько подтолкнул Артема к мягкому зеленому креслу возле журнального столика, где уже стоял сервированный чайный сервиз с дымящимся чайником, нарезанным лимоном, печеньем «Юбилейное» и вазочкой вишневого варенья. Рядом с чашкой Артема стоял заказанный им только что стакан воды.

«Чудеса!» – поразился адвокат, а Ковтун уже повалился на диванчик и с жадностью отхлебнул чаю.

– У-уфф! У меня, понимаешь, финская делегация была с утра. Вот пришлось их потчевать. Пить не умеют! Сопляки. Финики! Ну, да ладно. Расскажи, как сам? Прости, что не заехал с Андрей Андреичем проститься. Замотала нелегкая. А где похоронили? Подскажешь, как найти?

Артем попытался ответить на вопрос, но перебить монолог министра было нереально.

– Я съезжу. Завтра же поклонюсь могилке. Что у тебя-то стряслось? Вроде как с картинки. Все процветает? Каждый день смотрю тебя по утрам. Как раз у меня массажист в это время. Он меня мнет, а я тебя слушаю. Молодец! Грамотно говоришь.

– Спа... – сделал вторую попытку вставить слово Артем.

– Только слишком мудро. Народ не обманешь. В жизни по-другому. Чего стряслось-то? Как мама? Она сейчас где? Из паломничества своего вернулась? Ой, грехи наши тяжкие. Который год сам собираюсь. Ну, да ладно. Господи, прости!

Артем смирился с этим словоизвержением и потянулся к своему стакану с водой.

– Пей чаек, пей. Не покупной, а привозной. Персональный. Ну, Артем, у меня через две минуты Кремль. Ты не пропадай! Маме поклон. К отцу я съезжу, обязательно. Оставь адрес моим девчонкам. Звони, не пропадай.

Ковтун весьма ловко вскочил с дивана и потянул Павлова к дверям. Артем собрал все свое упорство в кулак и на ходу сформулировал то, с чем пришел:

– Егор Кузьмич, мне в суде нужен специалист. От вашего министерства. Дайте его мне.

Хозяин кабинета и строительной отрасли страны приостановился.

– Специалист? Хорошо! Бери любого. Не жалко. А чего суд-то? С кем? – Он замер, и впервые за время визита внимательные глаза вперились в адвоката. Тяжелейшая рука по-прежнему лежала на плече Артема. Он пошевелил корпусом, но лапа не отцепилась.

– Суд по непостроенному дому. Вы давали лицензию девелоперу, а он не выполнил обязательств.

– Ты что? Серьезно, что ли? Тема? – Ковтун слегка потряс Павлова за плечо и улыбнулся, обнажив редкие, но крупные зубы. – Да ну их в задницу! Ты что, Артемка?! Тьфу на них. Какие еще суды? Ты мне скажи, кто этот мерзавец! Я его в два счета! Брось ты в судах время тратить.

Ковтун сморщился, показывая свое полное отвращение к Фемиде, но Павлов знал, что старый и опытный в аппаратных интригах министр просто пытается увильнуть от участия в суде. А ведь Артем еще даже не назвал ни проваленного объекта, ни наименования этой компании. Егор Кузьмич побаивался любого скандала, ибо ушки его торчали из каждой выданной лицензии.

Министр еще раз замахнулся, чтобы хлопнуть адвоката по плечу, но тот благоразумно и ловко уклонился, и тяжелая рука просвистела мимо, а Ковтун охнул:

– Ох. Шустрый ты какой! Ну чего ты добьешься в этом суде? А? Две копейки отсудишь? И что? Легче тебе станет? Не станет. Давай-ка мы с этим подрядчиком по-своему разберемся. Без лишних глаз. А главное, лишних ртов. Ха-ха! – гоготнул громко и совсем не доброжелательно министр. – Ну-ка, присядь, парень, – потянул он Артема обратно к диванчику. – Поговорим.

– А как же Кремль? – не без ехидства продемонстрировал обеспокоенность Павлов.

– Что? А? Кремль... подождут, – со злостью боднул головой воздух Ковтун, подтащил Артема к креслу, с силой втопил адвоката в его плюшевое тело, а сам снова повалился на диван.

Теперь он не пил и не ел, а молча рассматривал сына своего одноклассника. Они с Павловым-старшим действительно почти год учились в одном классе. Семья Ковтуна переезжала с места на место вслед за переводами гарнизона отца, который тоже служил Родине, но на инженерно-строительном фронте. Они и в Москве-то задержались совсем на короткое время: целинный призыв партии заставил их покинуть столицу – и надолго.

Ковтун заворочался на диване.

– Значит, давай начистоту. Что у тебя там имеется? – министр вдруг перешел на строгий, не подразумевающий двусмысленности тон.

«Что ж, хочешь начистоту, будет тебе начистоту!» – решил Артем.

– Егор Кузьмич, мне кажется, что смерть отца не случайна.

– Как это? – опешил «медведь» и обвел глазами кабинет, как будто стены и мебель имели уши.

– Не знаю! Но цепь событий выстраивается нехорошая... – покачал головой Артем. – Сначала – эта странная гибель отца. Потом под предлогом ремонта отключают все коммуникации. Энергоснабжение, вода, тепло. Даже лифт! Жэк на все вопросы отводит глаза. Старика-соседа за долги жэку судебные приставы выселяют под покровом ночи, как в тридцать седьмом.

– Ого! – подивился Ковтун. – Им что, дня не хватило? Ну-ну, что дальше?

Артем, вспоминая вчерашнее, заиграл желваками.

– Дальше – больше, как говорится. Я возвращаюсь домой, а наша квартира занята.

Ковтун почесал затылок:

– Ни хрена себе.

Его, прямо санкционирующего застройку, а значит, и подобные выселения – только по закону, – явно озадачили слова Артема. Он уже не торопился его выпихнуть из кабинета. Теперь можно было излагать и свои доводы. И Артем не стал напрасно терять время.

– Но и это еще не все. Поменяли замки. Кое-как с участковым я в квартиру зашел.

– О! Уже легче. Этих – взашей! Пинка дал им?

– Нет. Оставил.

Ковтун замер и вдруг перешел на украинский:

– Чего??? Да ты что? Сказився?

Артем покачал головой:

– Судите сами, Егор Кузьмич, молодые родители и ребенок полуторагодовалый. Ну куда я их «взашей»? – Павлов вздохнул и сделал глоток воды. – А уж когда я их бумаги посмотрел, то сразу понял, что этих бедолаг просто провели. Собрали с таких, как они, по полтиннику баксов. Пообещали дом через год и теперь маринуют. Бумаги негодные. По ним ничего и потребовать нельзя. Но я кое-что придумал. Поэтому к вам и пришел.

– Ага. Только сперва в суд сбегал. Так?

Сцепивший толстые руки на огромном животе министр уже понял, зачем к нему пришли.

– Не буду отрицать, – подтвердил Артем. – Сбегал. Даже иск уже сдал. А вам принес определение суда. Министерство выступит третьей стороной.

В кабинете повисла глухая многозначительная тишина.

– Ну... положим, с твоими подселенцами вопрос мы решим, – неспешно, обстоятельно проронил Ковтун. – Напишешь мне их данные. Погляжу, что есть в резерве. Дадим как пострадавшим от аварии однокомнатную квартиру в Жгутове. Есть там у меня один резервный дом для самых настырных...

«Есть!» – мысленно отсалютовал Артем. Но министр еще не закончил:

– А что касается остального... то за тебя я спокоен; ты мальчик большой и сам за себя постоишь. Старик-сосед сам виноват, за коммунальные услуги только в доме престарелых не платят... а вот по Андрею Андреичу... Что следователь-то говорит?

Артем язвительно усмехнулся:

– Следователь ссылается на заключение экспертизы, а в заключении написано, что считать смерть насильственной оснований нет. То есть и дело возбуждать оснований нет.

Ковтун недобро хмыкнул.

– Такие вещи спускать нельзя. Пожалуй, я сам с генеральным прокурором переговорю. Пусть, как положено, заведут дело и, как положено, расследуют.

Ковтун поднялся с дивана, и стало ясно, что разговор окончен. Артем тоже встал, оба двинулись к выходу, и на пороге Ковтун вновь крепко обнял его.

– Не кисни, адвокат. Оставь данные по этим твоим Губкиным у секретаря. До конца недели съедут. Не переживай. Да. Еще. Адрес кладбища, участок там, номер не забудь мне факсом скинуть. Заеду завтра же. Поклонюсь. Маме – наилучшие. От меня. Все. Беги. А про суд, – он сморщился, – забудь! Чего там делать? Лучше твой по телику посмотреть! Ха-аха-ха! Бывай.

Двери захлопнулись, оставив Артема в огромном темном тамбуре. Казалось, он очутился в гигантском шкафу или скорее саркофаге. Кажется, египтяне делали из дуба свои последние погребальные убежища. От такого сравнения у Павлова похолодела спина, и он поспешил на свет в приемную министра, к расторопным, пышущим жизненной силой и телесным благополучием секретаршам. А Ковтун... Ковтун потянулся к телефонной трубке.

«Сволочь Поклонский... ни стыда, ни совести!»

Нет, расторопный и толковый девелопер Игорь Поклонский, не раз получавший лицензии от Ковтуна, не был прямо и лично повинен в судьбе этих Губкиных. Судя по оставленным адвокатом бумагам, инвесторов прокинула одна из партнерских фирм девелопера. И все-таки Игорь должен был ответить. Просто потому, что квартирный фонд у Ковтуна был не резиновый, и всякий раз под риском вызова в суд компенсировать чужие закидоны Егор Кузьмич не собирался.

Космонавт

Люди всегда стремились летать. И спустя каких-то семь-восемь тысяч лет от сотворения мира им это удалось. Понятно, что как только получилось взлететь над землей, захотелось отправиться еще выше. Особенно притягательными оказались звезды. Первый советский космонавт имел особую идеологическую миссию – помимо демонстрации первенства социализма в освоении Вселенной, он должен был найти бесспорные доказательства отсутствия бога. Доказательства были найдены, но сами космонавты, похоже, стали от этого убежденными христианами.

Игорь Поклонский, как любой советский мальчишка, мечтал стать космонавтом. Поэтому, как только в его кармане завелись первые сотни миллионов, он сразу же записался в отряд космических туристов. Причем слово «турист» ему весьма не нравилось, и он потребовал его замены в договоре на выражение «космический путешественник». За лишние пятьсот тысяч у. е. формулировку поменяли.

Заплатив положенные взносы и авансы, Поклонский довольно быстро вошел в форму и уже вовсю крутился на центрифуге, требуя все новых и новых нагрузок. Его не смущали цифры в 4, 5 и даже в 6 Жэ. Эти максимальные для человеческого организма значения он преодолевал легко. Ну а пройдя весь цикл наземной подготовки, он отправился в воздух и именно здесь впервые ощутил себя пушинкой. Несмотря на солидную комплекцию: 205 см роста и 126 кг веса, Поклонский парил в невесомости и гоготал во все горло.

– Я лечу-у-у-у! У-у-у-у-у! – с пьяными от счастья глазами изображал не то самолет, не то ракету Игорь Михайлович, и подполковник-инструктор неодобрительно качал головой и незаметно от Поклонского покрутил указательным пальцем у виска.

С инструктором молчаливо соглашался и экипаж. Наблюдать за причудами космического туриста их вынуждал договор и отсутствие должного финансирования. Поклонский же не замечал не только их жестов и укоризненных взглядов, но и вообще никого вокруг. Он парил над землей в уникальном космоавиационном тренажере и мечтал, как в совсем недалеком будущем начнет строить свои башни на Луне, Марсе, Юпитере и прочих ныне почти недоступных планетах. Темпы, с какими развивались наука и техника, давали базу для уверенности, а острые и абсолютно неземные ощущения, которые испытывал Игорь на тренировках, толкали его и без того неудержимую фантазию.

«Я как воздушный пузырь – огромный, радужный, легкий и прочный», – улыбнулся Игорь, легко оттолкнулся от стенки и поплыл вдоль ряда прожекторов, освещавших внутреннее устройство летающей лаборатории. Сейчас он парил на высоте трех метров от пола, устланного гимнастическими матами, а внизу его страховали сразу два военных инструктора. Если пропустить команду об окончании режима невесомости, без страховки можно рухнуть вниз и покалечиться, и он был об этом предупрежден и даже подписал соответствующее обязательство.

Раздался резкий сигнал, и Поклонский осознал, что, замечтавшись, опять не услышал дважды прозвучавшей команды: «Конец режима!» Две пары сильных рук подхватили внезапно отяжелевшее двухметровое тело курсанта-путешественника.

– Принимай! Страхуем! Игорь! Игорь Михайлович, как вы?

– Окейно... – самозабвенно прохрипел Поклонский и отключился.

Нет, он не потерял сознания, но его мечтания и грезы вдруг обрели реальные формы. Он увидел себя как бы со стороны, сидящим в огромном кабинете. Сам кабинет парил над землей и был выполнен в форме стеклянного куба. «Офис мира» – почему-то пронеслось в пульсирующем сознании начинающего астронавта. Он чуял, всем сердцем чуял: перед ним открываются поистине космические перспективы.

Эврика

Домой Павлов добрался многое успевший, но почти опустошенный. Спасибо Ковтуну, он, как и обещал, вышел на генпрокурора, и Артему не понадобилось ни на кого давить: дело по поводу гибели отца немедленно завели, и, похоже, кто-то даже чем-то занялся.

«А еще и к Коробкову придется съездить!» – с ужасом подумал Артем, открывая родную дверь непривычным огромным ключом Губкиных.

Вопреки нормальному рабочему расписанию, он который день подряд работал на какие-то общественные нужды: то подъезд ремонтировал, то жильцов спасал, то молодоженам Губкиным ордера выбивал. К тому же – о ужас!!! – все это сделал абсолютно бесплатно. Ни тебе гонораров, ни тебе славы. Ни пиара, ни долларов! Павлов тихо прикрыл за собой дверь и глянул в зеркало в прихожей.

«Еще пару таких недель, и можно получать премию имени матери Терезы...»

– Николай, – негромко позвал он главу подселенной семьи. – Лида...

Квартира отозвалась тишиной – видимо, «подселенцы» гуляли, и Артем с облегчением вздохнул: сегодня ему хотелось побыть одному.

Павлов снова посмотрел на свое отражение в зеркале. На него нахально пялился крепкий здоровьем, неплохо одетый пижон, как-то совсем непохожий на вконец заезженного беззаконием нормального русского адвоката.

– Ну и кому ты будешь рассказывать про свои проблемы? А? Наглый ты. Сытый. Даже откормленный. Эх, Павлов, Павлов, доиграешься! – погрозил сам себе кулаком и, даже не заглянув на кухню, отправился возиться с бумагами. Ему позарез надо было перерыть все оставшиеся от отца документы, и прежде всего следовало выяснить, есть ли в природе договор на приватизацию квартиры или все это бредовые фантазии обиженного адвокатского самолюбия.

– Эх, права мамуля. Лицом к лицу лица не увидать. Бегаю по судам, спасаю обездоленных олигархов. А родному отцу вовремя не помог документы на квартиру оформить как следует.

Он ходил из угла в угол, выдергивая то один, то другой документ. Открыл уже проверенный сейф, еще и еще раз перевернул одну за другой все бумаги и таки увидел затерявшийся в одной из папок тоненький файл, на котором почерком отца было выведено: «Документы на квартиру».

– Ага! Так-так. Иди-ка сюда, красавчег! Как же это я тебя не заметил раньше? – вытрянул он содержимое. Ничего утешительного. Старенький пожелтевший ордер на заселение, выданный еще МИДом СССР. Квитанция. Выписка из домовой книги. Зарегистрирован один – Андрей Андреевич Павлов.

– А это что за квиток? – Артем развернул сложенный пополам корешок приходного ордера из сберкассы. Хлопнул себя по лбу: – Эврика! Эврикака-ка-ка-ка! Ах, какая кака! – тут же одернул себя Артем и для невидимых зрителей сообщил: – Уважаемые господа присяжные заседатели, я никого не хотел обидеть. Дело в том, что «кака» с любимого мною норвежского переводится «конфетка». Так что я вполне мог сказать: «Ах, какая конфетка!»

Это действительно была конфетка. Артем нашел квитанцию, согласно которой Павлов А. А. оплатил стандартную государственную пошлину за приватизацию квартиры. Мало того, в ней был аккуратным убористым почерком отца указан номер договора о приватизации жилья – «67/015-11/27-ААП». Что явно можно было расшифровать как договор с А. А. Павловым от 27 ноября. Это уже само по себе было важным свидетельством в пользу существования права Артема на квартиру отца.

– Остается найти сам договор.

Только при наличии договора можно было получить свидетельство о собственности. И лишь на основании этого свидетельства нотариус мог переоформить квартиру на сына-наследника. Но ключевого документа – самого договора – не было. Артем выложил на стол все, что нашлось в сейфе: грамоты, наградные документы, ветхие дореволюционные документы давно умерших отцовских родителей, заполненная почерком отца стандартная тетрадка в клеточку на сорок восемь листов... но не договор.

Артем вздохнул, подхватил отцовскую тетрадочку и двинулся на кухню. Налил себе чаю и открыл первую страницу. «Дневник А. А. Павлова» – значилось на ней, и внизу – короткая запись: «Моему сыну завещается. Продолжи мой труд, сынок! А. А. П.». Брови Артема машинально поднялись. Папа, и при жизни не слишком открытый, оставил очередную загадку.

«Май 1979 г. В Лондоне виделся с ХХ-3, – вслух прочитал он первую строку, – он по-прежнему выстраивает «систему всемирного страхования». Необходимо противодействовать».

Артем опустил взгляд ниже.

«Июнь 1980 г. Нью-Йорк. На конференции по разоружению видел ХХ-2. Выступал в кулуарах за активную помощь СССР. Осуждал правительство США за блокаду Олимпиады в Москве. Маскируется под друга нашей страны».

Артем заинтересовался. Он помнил, как тяжело дался работающему в МИДе отцу Олимпийский год в Москве. По крайней мере, домой папа приходил совершенно выжатый.

«Франция. Париж. Лето 1982 г. В Фонтенбло обедали с ХХ-5. Прямо пытался купить. Говорил о высоких материях, марксизме, социализме. А глаза бегают. Надо проанализировать, как его прижать. Передал информацию ВВ. Работает...»

Дальше шли совсем уже какие-то криптограммы и шифровки: «Дж. Ср., Зб. Бз., Кн. Рс., Рн. Рг., Гн. Гн.». Затем – числа, означавшие не то даты, не то возраст, не то стоимость. Разобрать, о чем речь, без ключа к этому шифру было невозможно.

Артем захлопнул дневник. Помотал головой вправо-влево. Хрустнули позвоночные суставы. Он потер виски и резко выдохнул:

– Пфф-фу-у-у! Ой, папа, лучше бы ты поподробнее написал, что у тебя получилось с договором о приватизации. Пойду-ка я спать.

Завтра ему предстоял очередной нелегкий день.

Рэп

На следующее утро Артем отложил все и занялся главным – квартирой, точнее, поиском Жучкова.

– Нету яво. Нету. Хгаварю вам. Ну шо не панятно-то? Я шо, яво рожу, што ли? – Толстая неопрятная не то диспетчер, не то секретарь возмущенно пыхтела в сторону надоедливового посетителя.

– Мадам, – проникновенно улыбнулся Артем, – я же вовсе не предлагаю вам воспроизвести вашего начальника. Отнюдь! Просто подскажите, где его искать?

Павлов снова улыбнулся – как можно шире. Он понимал, стоит ему поддаться своему истинному настроению, и легкое недовольство собеседницы моментально превратится в ненависть. Ту самую ненависть, которую работник жилищно-коммунального хозяйства испытывает порой при виде жильца. Женщина покраснела, но... не сорвалась, а все-таки зашуршала своим рабочим журналом:

– О-от. На пятый дом ушел он. Там ищите!

– Вот это другое дело. Спасибо.

Артем поспешил по указанному адресу и через несколько минут уже заходил во двор соседнего дома, где с криками и матюгами пятеро работяг разгружали машину с трубами и арматурой. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что реально в разгрузке участвуют лишь четыре таджика, причем работают они споро и молчаливо. А весь шум и крик поднимает один помятый замухрышка с пропитым лицом:

– Куда, твою за ногу, передери тебя так и этак, зараза азиатская! Тащи на себя, чума таджикская, перетак тебя за так и на эдак! Ах ты, чурбанище недоделанный, перетак и натак да тебя за так.

Артем некоторое время ждал, когда словарный запас народного сказителя иссякнет, но вскоре осознал, что до самого дна кладези русского словотворчества все равно не вычерпать.

– Эй, служивый! Тебе бы рэп попробовать петь. Стал бы звездой, – оценил он явный талант. – А скажи-ка мне лучше, командир, где твой начальник Жучков?

На лице отца командира появился, да так и застыл мучительный мысленный процесс. Наконец он переварил все сказанное, громко прочистил нос, вытер пальцы о ватные штаны и кисло проговорил:

– Смешно. Я бы с тобой тоже посмеялся, мил-человек. Но ты бы на мое место встал и поруководил этими обезьяньими мордами. Они ж ни хрена в технике не понимают! Одно слово, чурки! Мы вот с тобой хоть обязательное среднее получали, а у меня – так вообще институт за плечами!

Он так гордо выпятил живот, что стало ясно: Павлову до него расти и расти.

Павлов с трудом подавил рвущийся наружу приступ смеха и вежливо кивнул в знак понимания. Он уже опознал в работяге того самого не то электрика, не то сантехника, тащившего кабель, которого встретил в коридоре жэка № 3 в свой первый визит в поисках Жучкова. Мужичок, видя внимание жильца, еще больше приосанился и с чувством собственного достоинства продолжил:

– Во-о-от. Я и говорю, русский человек, он изначально более образован, чем эти. Мы ж нация великих писателей и поэтов. Лермонтов, Пушкин, Солженицын, Акунин. Ты что ж думаешь, я не читаю? Я все время слежу за печатью. Газету выписываю. Только что мне с того? А? Нас было по штату два инженера, три техника и пять рабочих. Я, Ванька Климов, Петро Карпов, Леха Пузырев и Николай Савельев. А что теперь? Теперь я один остался. Петро в колодце задохся, Кольку в щитовой прибило разрядом. Остальных Митрич выгнал за пьянку. Тьфу! А кто не пьет-то?!

Сказано это было так, словно не пить – себя не уважать.

– Теперь вот, – работяга с укором ткнул рукой в сторону притихших азиатов. – Смотрите! Наша надежда и опора. Вчера овец пасли в своих аулах, хлопок собирали. А теперь они москвичи. Чистая улица, чистые узбеки, чистая Москва. Во, мля! Так их разтак! Ну что, мил-человек, смешно тебе?

Он глянул на Артема, но теперь в глазах его стояла тоска.

– Уволюсь я...

Артем вздохнул.

– Слышь, отец, ты не горюй. Все наладится. Ты мне скажи, где же Жучков?

– Да вон он, лыжи наострил отсюда, – мужик ткнул пальцем за спину Павлова.

Артем резко развернулся, увидел спешно удаляющегося начальника жэка и, не теряя времени, побежал за ним.

– Алексан Митрич! Пойдите! Мне с вами надо поговорить! Да стойте же вы! – уже с раздражением схватил Жучкова за рукав Артем.

– Ах, это вы, господин Павлов, – окинул его недовольным взглядом Жучков. – И что вам теперь от меня надо?

– Мне надо, чтобы вы посмотрели на этот документ. – Артем достал из бумажника найденную дома квитанцию и помахал ею перед носом Жучкова.

Тот недовольно скривился:

– И что? Что вы ко мне все время пристаёте?

– Я не пристаю. Я вам предъявляю юридический документ – квитанцию из Сбербанка. Смотрите!

– А я-то, старый, думал, это билетик в трамвай. Или рецепт какой-то старый. Извините, не разобрал. – Он вдруг выпрямился во весь свой небольшой рост и, глядя Павлову в глаза, жестко произнес: – Только мне-то ваши квитанции без надобности.

«Он все прекрасно понимает...» – осознал Артем.

– Учтите, Жучков, – предупредил он, – я все равно докажу, что отец передал вам договор на приватизацию. Еще при жизни. И, будьте уверены, я разворошу ваш муравейник! Чего бы мне это ни стоило.

Финансист

– Как прошел полет? – встретил Поклонского вопросом главный финансист.
– Полет? Отлично! С его высоты я увидел наши перспективы, – мечтательно сообщил космический турист.

Финансовый директор иронично изогнул бровь:

– И каковы же они?

– Отличные! – бодро ответил девелопер. – Начинаем новый проект. Будем строить офисные центры на Марсе и Луне.

– ???

– Ну что ты вылупился? – поморщился начинающий космонавт. – Сказал, на Луне, значит, на Луне.

Он совершенно не собирался объяснять этому узкому специалисту, что если можно продать участок лунной поверхности, а их всю продают, то наверняка будет и спрос на инвестирование лунного строительства.

– Ага, – ехидно скривился финансист. – Значит, на Луне. Тогда оплату принимаем в космогугриках или марсодолларах?

Поклонский рассвирепел.

– Слышь, ты, Сорос недоделанный! Будешь принимать в том, в чем скажу. Твое дело – касса. Встал и пошел собирать бабки!

Финансист пожал плечами и молча поплелся в свой кабинет. Причуды начальника по мере неуклонного роста его капиталов становились все вычурнее. А вслед уже неслись новые распоряжения Игоря Михайловича:

– Риелторов, отдел продаж и пиар-службу через пятнадцать минут ко мне. В большую переговорную.

И, как и было велено, через пятнадцать минут все указанные персонажи перешептывались в ожидании Поклонского. И вскоре он ворвался в переговорную и, даже не взглянув на верных подчиненных, обрушился на них с мощью Ниагарского водопада:

– Всем привет. Всем молчать! – И без остановки продолжил: – Будем строить. Быстро, долго, много, дорого.

Работники, опасаясь пропустить хоть слово, споро застрочили карандашами в блокнотах.

– Пиарщикам понтов не жалеть! – ударил по столу широкой ладонью босс. – Финансистам – деньги попридержать. Риелторам продавать, продавать, продавать. Больше и дороже. И вообще, с сего дня единственный показатель вашей работы – это выручка. Каждый, кто принесит в компанию доллар, получает десять центов премию. Хотя нет, пять с вас будет достаточно, а то сам разорюсь, – прищурившись, поправился Поклонский.

По комнате пронесся тяжелый вздох, и он замотал головой:

– Нечего вздыхать! Работать! Мой барометр запускайте. Менять цены два раза в день. Добавляем по пятьсот долларов за метр.

– За раз? Или за день? – уточнил въедливый финансист.

– За раз! Сам ты зараз! – незлобно огрызнулся Игорь Михайлович и тут же продолжил инструктаж: – Еще раз подчеркиваю: продавайте. Все, что можно продать. Клиент не должен уйти с деньгами. Позвонил – значит, уже попался. Выжимайте все до копейки.

– А если спросят документы? Разрешение, постановление правительства, землеотвод? – не унимался финансист.

Как во всяком быстрорастущем деле, части документов хронически не хватало – просто не успевали оформить.

– Спросят – покажешь! – резко оборвал Поклонский.

– А если нет? – резонно поинтересовался финансист. – Если нечего показать-то?

– Если нечего – нарисуешь! – отрезал босс. – Или говори так, чтоб ни один педант не усомнился.

– Значит, врать? – поддел неунимающийся финансист.

– Слушай, уймись! – рассердился девелопер. – Это я тебе вопросы должен задавать!

Он зло засверкал глазами, но никого напугать этим не мог. Уж больно комично выглядели его выпученные глазищи в венце кудрявой рыжей шевелюры.

– Ну-ну, – вздохнул финансист.

Он получал более чем хорошую зарплату и действительно был обязан ее отрабатывать, впрочем, как и все остальные работники девелопера Поклонского. Они привыкли не задавать лишних вопросов и выполнять все поручения начальника, а главное, каждый из присутствующих уже давно подсчитал в уме, сколько сможет заработать на обещанных шефом процентах.

Поклонский же несся дальше. Он уже всю развивал свою очередную идею и требовал от подчиненных главного: загнать потенциальных жильцов в такой психологический стресс, из которого нельзя было выйти, не купив квартиру. В этом и состоял смысл выражения «разогреть рынок». Игорь Михайлович слыл отличным специалистом по этой части.

Коробков

Сразу же после разговора с Жучковым адвокат поехал к выселенному соседу, и надо сказать, новое жилище Коробкова выглядело ужасно. Снаружи это был двухэтажный деревянный барак с двумя подъездами, один из которых оказался заколочен досками крест-накрест. Все многочисленные жильцы этого прогнившего насквозь строения вползали через единственный вход и растекались по двадцати восьми комнаткам, чтобы затем встретиться на единственной кухне. Встречались они там по острой нужде: чувство голода гнало одних, чтобы приготовить какую-то еду, а других, чтобы попытаться эту еду украсть – такой уж контингент. По этой причине кухня и была местом, где крики и ругань не стихали круглые сутки.

Павлов пригнулся, чтобы не разбить лоб о подвешенный каким-то умником прямо над входом скелет велосипеда. Тут же увернулся от изгнанных с кухни бросившихся прямо в ноги трех орущих котов. И тогда справа из темноты кто-то противно и хрипло захихикал:

– Кхе-хе-хе, пижончик залетел на пистончик.

Павлов, не мешкая, двинулся по длинному коридору, но обладатель сиплого голоса не отставал:

– Слышь? Дай полтинничек, мил-человек? У меня нутро сгнило. Сдохну щас, если не промочу глотку. Не жлобись...

Но Павлов уже толкнул дверь под нужным ему номером. Она оказалась незапертой, и его взору предстала абсолютно убогая комната величиной с обувную коробку. Может, в ней и было четыре квадратных метра площади, но все они уже были использованы и заставлены невообразимым бараклом. И вот поверх всей этой груды картона, тряпок, разобранных деревянных панелей от шкафов и столов громоздилась кушетка, на которой безжизненно лежал Василий Коробков.

Артем с трудом протолкнулся через мусор и скарб и легохонько потряс за плечо бывшего соседа:

– Василь Василич, проснитесь! Это я, Павлов. Вы меня... – Тут он и увидел, что Коробков не спит: глаза старика неестественно выкатились, рот был широко раскрыт, а лицо приобрело фиолетовый цвет.

– Только этого не хватало!

Артем попытался пощупать пульс на шее Коробкова. Бесполезно. И тогда он прижал застывшие веки бывшего соседа и закрыл глаза несчастного. Затем надавил на нижнюю челюсть и прикрыл его рот. Потом повернул тело на спину и с трудом сложил его руки на груди, как положено добропорядочному христианину. И тут же заметил клочок бумаги, зажатый в кулаке Коробкова.

«Неужели записка?»

Мгновение Павлов сомневался, ему ли предназначено сие послание. Но поскольку он уже и без того слишком расхозяйничался в новом и последнем жилище Василия Васильевича, то решил не стесняться. Листок, а точнее, фрагмент листка, был вырван из настенного календаря – из тех, что любили наши дедушки и бабушки. На нем стояла едва уцелевшая дата «9 мая». Остальная, большая часть страницы была оборвана, и клочков от нее не наблюдалось.

«Либо Коробков оторвал так неаккуратно лист календаря. Либо...»

Артем почувствовал легкую дрожь. Еще неделю назад он и не подумал бы выстраивать таких вот отдающих манией преследования версий. Но события последних шести дней многое поставили с ног на голову, и Артем был уверен: кто-то мог пытаться вырвать из пальцев Василия Коробкова этот лист. И нужная часть осталась у этого таинственного посетителя. Он еще раз осмотрел клочок.

– День Победы? Странно... – повертел он листок в руках. Никаких записей. Просто обрывок. – И что же случилось девятого?

Артем оглядел убогую конурку, заметил в самом углу небольшое бюро, сверху – груда бумаг, и вот из-под них выглядывал тот самый настенный календарь. Толстенький, как будто нетронутый. Бережливые старики, как правило, не вырывали листки по окончании дня, а аккуратно заворачивали. Именно поэтому к концу года томик календаря оставался нетронут.

Правда, особо деловые еще и оставляли собственные записи и пометки на каждый день. Таким, видимо, был и Василий Васильевич, его календарь за почти истекший и подошедший к концу год оказался нетронутым.

Артем взял в руки маленький аккуратный томик, но открыть не успел. Дверь с треском распахнулась, и Павлов резко повернулся на звук и машинально сунул календарь в широкий карман пальто. На пороге стояли два милиционера и бородатый мужичонка в телогрейке. Он кивнул в сторону кровати, как бы не замечая Павлова.

– Вот он, жилец-то новый. Кажись, Васька звать. С утра так и лежит. Мертвяк мертвяком. Я зашел в районе обеда спросить... ну, попросить... ну... – замялся дедок, но тут же нашелся и продолжил: – Ну, в общем, зашел. А он так и лежал. Смотрю – не дышит. Вот я и позвонил.

– А вы кто будете? – стоявший впереди прапорщик обратился к Павлову, и Артем сделал шаг вперед.

– Я сосед гражданина Коробкова. Адвокат Павлов. Московская адвокатская палата.

– Ух ты! – не выдержал молоденький сержант, который уже во все глаза разглядывал известного правозащитника. – Точно! Я вас сразу узнал, да не поверил, что вы и вдруг здесь! Автограф для мамы дадите?

Он протянул какую-то книжку, и Павлов кивнул и подхватил ее.

– Уголовный кодекс? Надо же!

Сержант улыбнулся:

– Я учусь в академии на заочном. Вот и приходится на службе заниматься. Напишите для Сергея и Раисы Матвеевны.

Артем размашисто подписался на второй странице обложки: «Стражу правопорядка и будущему коллеге-юристу Сергею и его маме Раисе Матвеевне с наилучшими пожеланиями. На добрую память от А. А. Павлова» – и поставил подпись и дату. Все молча следили за манипуляциями адвоката.

– Все это хорошо, – первым нарушил молчание прапорщик. – Только непонятно, что вы все-таки делаете в комнате этого Коробкина? И какой он вам сосед? Паспорт покажите, гражданин Павлов.

Артем начал шарить по карманам.

– Во-первых, Коробкова, а не Коробкина. Во-вторых, меня пригласил сам хозяин. Вчера передал через нашу соседку Варвару Штольц. Вот я и приехал. Только поздно.

Он протянул красную корочку адвокатского удостоверения, и прапорщик, шевеля губами, прочитал. Потер шею, наморщил лоб, вернул удостоверение и лениво приложил руку к шапке-ушанке:

– Извините, Артемий Андреевич. Сами понимаете, служба. Вам придется пройти с нами. Надо дать объяснения, и все по форме, чтоб зафиксировать.

Артем ужаснулся: тратить драгоценное рабочее время на поездку в участок милиции было невыносимо.

– Прапорщик, какие объяснения? Я зашел за две минуты до вашего появления в комнату моего бывшего соседа. Он мертв уже, как минимум, часов пять. Скорее всего, сердечный приступ. Следов насилия нет. И что я могу вам пояснить?

Артем раздраженно надвинулся на милиционеров, и прапорщик невольно сделал полшага назад. Он совсем не был уверен в том, что этого здорового и нагловатого, а к тому же

весьма известного юриста можно будет задержать и отправить в отделение. К тому же сержант, хоть и был младше по возрасту и званию, все же явно не одобрял подобной «бдительности» старшего коллеги. Прапорщик сплюнул в сторону и процедил сквозь зубы старику в телогрейке:

– А, ладно. Давай, дед, оформлять жмурика. Сейчас спецперевозку вызовем, а ты пока мне все расскажешь по порядку. Остальные свободны. А вас, гражданин Коробков, – наклонившись к лежавшему на кровати труп, гоготнул он, – я попрошу остаться, – и вышел из комнаты.

Павлов, не дожидаясь специального приглашения, выскочил за ними вслед и, кивнув на прощание чуть задержавшемуся сержанту, поспешил прочь. И только в машине Артем достал календарь покойного и быстро пролистал его до нужной даты. Увидел записи седьмого и восьмого мая. Вырванный лист. Снова записи на странице за десятое число... Артем вздохнул и сунул календарь в портфель – разобраться в записях покойного при тускловатом освещении салона да еще посреди рабочего дня было нереально.

Эксперимент

Кладбище – место особое. Многие приписывают ему самые разные мистические свойства. Жучков, например, прекрасно помнил, как в детстве они пугали друг друга историями про зомби, мертвецов и привидения, которые обязательно должны были прятаться за кладбищенской оградой, а ночью тревожить покой мирных граждан. И только самые отчаянные парни брались на спор пройти в лунном свете между могилами, а кое-кто за хороший куш даже переночевать. Такая удаля давала не только хороший денежный выигрыш, но и внимание дворовых девчонок и уважение старших пацанов.

Сегодня, после тридцати лет массированного потока голливудской продукции в жанре «хоррор», кладбище утратило большую часть своей мистической власти над нашими умами. И все-таки место вечного упокоения остается местом особым, и какая нелегкая подтолкнула Игоря Михайловича Поклонского назначить деловую встречу именно здесь, начальник жэка № 3 категорически не представлял.

Да, следует признать, Поклонский слыл отчаянным малым. При своей неопределенной и невыразительной профессии – девелопера, он умудрился прославиться эпатажными выходками и акциями на всю страну. То арендует целый поезд-экспресс в честь дня рождения своего друга и компаньона. Посадит в него сто супермоделей весьма легкого поведения и вместе с другом объявит конкурс на новый рекорд полового гигантизма за время перегона Москва – Санкт-Петербург. А то снимет яхту на Лазурном побережье и соблазнит гостей бегать голышом по палубам, изображая из себя дикарей Новой Гвинеи. В общем, Игорь Михайлович Поклонский считался самодуром, гулякой, развратником, ловеласом, экспериментатором, кутилой, мотом и прожигателем жизни. Тяготел он и ко всему иррациональному, непознанному и аномальному. Выходил в астрал, впадал в транс, останавливал дыхание и сердце. Вот и сегодня назначил он встречу Жучкову не где-нибудь в кафе «Пушкинь» или «Майклс», а в самом центре Москвы, на Пресненском кладбище, на участке номер 38 седьмой аллеи.

Жучков прищурился; место их встречи было заметно издалека: от самого начала аллеи номер семь до названного участка стояли крепкие молчаливые мужчины в теплых черных пуховиках и темных очках. Они лениво просканировали съездившегося колобка Жучкова, и под этими то ли испытующими, то ли презрительными взглядами Жучков сгорбился еще больше.

Над самим же участком номер 38 оказалось установлено некое подобие шатра. Такое бывает в детективных фильмах, когда следствие решает выкопать захороненное тело и провести так называемую «эксгумацию». Жучков задумчиво почесал щеку: Поклонский не был следователем и, несмотря на множество врагов, ни в каком убийстве не обвинялся. Ну а когда начальник жэка зашел внутрь шатра, загадочность происходящего возросла до поистине космических размеров. У выкопанной могилы сгрудились то ли работники кладбища, то ли родственники покойного, а сам Игорь Михайлович Поклонский – стоя в могиле – проверял качество ямы! Лично...

– А-а-а. Работник жилкомтруда? Верный раб коммунальной лампы? Товарищ Жучков! Га-ага-га-га! – громоподобно загоготал из могилы Игорь Михайлович. – Идите сюда, гражданин, – и снова загоготал – еще громче.

Смеяться над любой своей шуткой, смешной или не очень, было отличительной чертой Поклонского. С непривычки окружающие пугались, и даже Александр Дмитриевич, хотя и виделся с ним не в первый раз, все же втянул голову в плечи. Поклонский же выбрался по стремянке из могилы, подошел вплотную и навис двухметровым ранжиром над подрагивающим от жутковатости происходящего Жучковым.

– Э, да ты, Сан Митрич, совсем замерз! – заметил его состояние Поклонский и кивнул своим вассалам: – Ну-ка, спасайте пролетария недвижимости. Налейте ему для согрева сто пятьдесят нашего фирменного «Миру-Мира».

Крепкие руки подчиненных мигом подхватили ойкнувшего от неожиданности Жучкова, а не успел он закрыть рот, как в него залили полный стакан гадкой вонючей настойки. Жучков закашлялся, жадно хватая ртом воздух, но тут же получил вместо кислорода соленый огурец. Отхрустел под одобрительные взгляды окружающих и наконец выдохнул:

– Уф-ф-ф! Игорь Михайлович! Ну, вы и мастер на выдумки! Я поражен. Не ожидал. Во сне не приснится такое. А за подношение спасибо. В самый раз.

Хмель и впрямь помог справиться с волнением, и Александр Дмитриевич уже не боялся, не торопился и не стеснялся и даже расстегнул казенную фуфайку. Поклонский с хитрым прищуром осмотрел гостя и цокнул языком:

– Отлично! Хорош. Просто картину с тебя писать, Сан Митрич. Маслом. «С думой о ЖКХ» называется. Га-га-га-га!

– Ну, вы и скажете, Игорь Михайлович, – раскраснелся начкомжилхоз, но Поклонский уже перестал смеяться и перешел к делу:

– Ты, Сан Митрич, бумаги привез?

– Точно так. Все привез. Не беспокойтесь, господин Поклонский. Все в полном порядке. Страничка к страничке. Вот здесь.

Жучков протянул выцветшую картонную папку с ботиночными шнурками, и Поклонский брезгливо поморщился и принял ее – двумя пальцами. Он использовал только самые современные приспособления для жизни и работы – «гаджеты», как модно их называть. Но заменить Жучкова на «гаджет» было сложно, и Поклонский развязал шнурки, быстро пролистал бумаги и удовлетворенно кивнул:

– Кажется, все на месте. Ну что ж, молодец, товарищ Жучков! Хвалю. Будем работать.

Жучков подобострастно изобразил нечто вроде полупоклона.

– Рад. Очень рад, Игорь Михайлович, что наши интересы совпадают. Буду счастлив быть вам полезен и впредь.

– Ну и о'кей!

Девелопер достал из внутреннего кармана какую-то чудную ручку и быстро расписался в нескольких местах, позволяя услужливым работникам молча и споро перелистывать нужные страницы, захлопнул папку и вернул ее Жучкову:

– Держи! Береги свою пенсию, старик! Ха-ха-ха! – Он резко развернулся и скомандовал всем стоящим вокруг раскопанной могилы: – Закончили перерыв. Продолжаем эксперимент.

Захмелевший – теперь уже от удачной сделки – Жучков, придерживая папку, вытянул шею.

– Игорь Михайлович! Не считите за нахальство, но что здесь происходит? Уж простите старика за любопытство...

Поклонский развернулся и удовлетворенно хрюкнул:

– Хр-р. Ты действительно хочешь знать?

Он проговорил слово «действительно» столь многозначительно, что сердце у Жучкова екнуло. И Поклонский это почуял и, предвкушая дальнейшее наслаждение, загадочно пояснил:

– Здесь проводится эксперимент по испытанию возможностей человека.

Жучков бросил воровской взгляд в сторону уже готовой могилы.

– А в чем эксперимент-то, Игорь Михайлович?

Поклонский недобро усмехнулся, сделал знак, и вассалы подхватили управдома под руки, сгрудившиеся возле Поклонского работники расступились, а Жучков увидел стоящий на краю могилы огромный черный лакированный гроб.

– Нравится? Хочешь туда?

По спине Жучкова прошел холод, а на его лбу выступил смертный пот.

– М-м-е... н-не...

Поклонский захохотал и огромной ладонью хлопнул Жучкова по плечу.

– Не ссать! Гроб не для тебя, старик. И не рассчитывай! Слишком жирно будет.

Ноги отказали, и Жучков почти повис на руках вассалов Игоря Михайловича. После пережитого ужаса он с удовольствием растворился бы в воздухе... а нужно было демонстрировать лояльность.

– А д-для кого?

Поклонский оглядел вассалов и торжественно кхекнул:

– Э-эх-кхе-хе-э! Этот гроб для меня!

Гринспен и Бжезинский. И ведь все они прекрасно знали: каким бы ни был кризис, недвижность дешеветь не будет!

– Не дождетесь! – выкрикнул Поклонский, но его уже никто не слышал; звуки снаружи совсем затихли: ни стука, ни жужжания инструментов, ни голосов. Ничего. Мертвая тишина. В буквальном смысле могильная.

Он улыбнулся; в его сознании так и роились бесконечные каламбуры. Когда ты постоянно работаешь на публику и прессу, это приходит само. Жизнь публичного человека – вечный спарринг. Блиц. Экспромт за экспромтом. Но сегодня зрителей не было. Только мягкий бархат, подушечка да ватное одеяльце в кружевах и рюшках.

Девелопер потянулся во внутренний карман и не без труда выудил оттуда мобильный телефон. Он смирился с таким послаблением себе, как один телефонный звонок, – если вдруг эксперимент пойдет неправильно. Не дай бог, вассалы взбунтуются, присыплют его землей, да и забудут. Игорь Михайлович поежился и впервые подумал, что понятия не имеет, кому тогда достанутся заработанные тяжким трудом миллиарды.

«А в самом деле... кому?»

Поклонский заворочался, нажал на крышку гроба, но винты, шурупы, гвозди-петли обернули шалость эпатажного олигарха настоящей могилой. На лбу выступил противный пот, и даже просто отереть его составляло серьезную проблему. Длинные руки не гнулись в локтях и никак не дотягивались до лица, и живой покойник только с третьей попытки догадался уткнуться физиономией в набитую сосновыми опилками подушечку, чтобы промокнуть липкую влагу.

«Надо успокоиться!»

Он прикрыл глаза и попытался задремать, но легкий набежавший сон почему-то принес с собой мохнатого колобка в фуфайке. Игорь бежал и бежал за ним, а колобок катился и катился, пока не остановился возле какой-то стройки и не обернулся Жучковым.

«Мне еще работа не снилась!» – возмутился Поклонский и очнулся – не на стройке, разумеется; в гробу.

Вокруг стояли тишина и темнота. Он снова нащупал мобильный телефон и нажал наугад на клавишу. Экран засветился слабым голубым светом, но ничего нового он в убежище девелопера не озарил; только шелк обивки да хорошее сукно пошитого в лучшем ателье столицы похоронного костюма.

«И к чему этот сон? – подумал Поклонский. – Или все это пустое?»

Он скосил глаза вниз и разглядел цифры на табло телефона. Оказалось, что прошло всего лишь пятьдесят восемь минут. Впереди его ждали еще двадцать три часа и две минуты ожидания. Ожидания чего?

«А если так и оставят? Или забудут завтра вытащить? – по телу пробежал холодок. – Не-е-ет! Не должны. Они же останутся без зарплат и без бонусов!»

Только Игорь знал секретные счета, пароли и номера ячеек, где хранились основные капиталы компании.

«И к чему же мне приснился этот Жучков?»

Начальник жэка был одним из многих, мелкой шестеренкой в титаническом механизме и не представлял собой ничего особенного и в перспективе не мог оставить после себя ничего, кроме мокрого места и холмика земли где-нибудь на Котляковском кладбище. Таких, как он, были тысячи. Поклонский улыбнулся; именно в сравнении с Жучковым он видел, наглядно причем, какого уровня достиг.

Они, девелоперы новой России, придумали самые передовые схемы инвестирования денег в стройку. Кто и когда бы догадался собирать реальное бабло под обещание когда-нибудь что-нибудь построить, по сути, за пустые бумажки. Получил распоряжение правительства города или губернии, и ты уже крутой девелопер. Получил постановление о выделении

земли под строительство? Все! Ты миллионер! Знатный строитель! А если это козырное место: центр, набережная, престижное направление – глядишь, и список миллиардеров тобою пополнится.

Поклонский удовлетворенно улыбнулся: ему удалось пополнить этот список, и он сразу же усовершенствовал надоевший всем афоризм: «Если ты такой умный – почему такой бедный?» Едва число нулей на его счетах перешагнуло заветный рубеж, он всем и всюду стал задавать вопрос о размерах состояния и тут же давать совет: «Если у вас нет миллиарда – идите в жопу!»

Понятно, что тем самым он оттолкнул и так немногих друзей, нажил массу завистников и даже врагов и настроил против себя все бизнес-сообщество. Большинство бизнесменов, не дотягивающих до статуса миллиардеров, брезгливо морщились или мрачнели лишь от одного упоминания о скандальном олигархе-строителе. Будь их воля – живьем бы закопали...

От одной этой мысли в гробу стало теснее, а затем телефонный свет отключился, и Поклонский осознал, что уже не отличает могильный холод от нервного озноба.

Ордер

Едва Артем вознамерился спуститься к Варваре Серафимовне и сообщить ей печальную новость о смерти Коробкова, Губкиным доставили пакет – с курьером, как важным людям.

– Ого! Вот это скорость принятия решений! – подивился адвокат, уже по конверту понявший, что там внутри. – Вот может Ковтун, когда хочет...

Молодые – вдвоем – ножницами аккуратно обрезали край, вытащили стопку бумаг и упали в оцепенение. Здесь было все, включая приглашение получить под роспись ордер, полную техдокументацию на квартиру и даже ключ – обычный, серого металла, с двумя бородками, из тех, что новоселы меняют вместе с дверьми, едва заезжают.

И, конечно же, переезд пострадавших инвесторов начал происходить немедленно, благо всех вещей – несколько клетчатых китайских сумок с барахлом да простейшая посуда. И простительно, что Николай все время бегал на лестницу покурить, а Лида не удержалась – всплакнула. Даже Лялечка по-своему осознала все значение происходящего и, еще не были упакованы все вещи, начала махать Артему ручкой:

– Дядя, пака, пака!

– Пока-пока, моя хорошая! Не забывай дядю. Приезжай в гости.

Артем улыбнулся, сделал Лялечке «козу», и она, пустив от удовольствия пузырьки, залиристо засмеялась. И лишь когда вещи были собраны, наступила пауза, пожалуй, немного неловкая.

– Так. Соседи – белые медведи, – ликвидируя это состояние неловкости, взял инициативу Артем. – Собрались? Ну, вот теперь с огромным наслаждением и чувством глубокого удовлетворения я могу вам сказать: «Выселяйтесь!» Все на выход! А то, понимаешь, расселись тут в чужой квартире!

Он строго насупил брови и надул щеки, изображая грозного начальника, и Ляля с готовностью рассмеялась. Но вот ее родители так и топтались в прихожей. Наконец Николай неуверенно протянул руку:

– Прощайте, – подавил короткий вздох и произнес: – Спасибо вам, Артем Андреич. Вы нам не просто помогли. Мы столько скитались... вы даже не представляете... Да что там... – Он быстро и коротко стиснул руку адвоката и вышел из квартиры, на ходу буркнув: – Лид! Выходите.

Артем попытался напустить на себя равнодушно-разудалый вид, но получилось у него это не лучшим образом.

– Да не за что... Извините, если что не так! Бог вам в помощь!

Совесть

Проводив Губкиных, Павлов полистал календарь, взятый у Коробкова, и вдруг подумал, что занимается не тем делом. Собственная квартира – вот была настоящая проблема, а вовсе не естественная смерть старика. Адвокат отложил календарь, налил себе чаю, сел в глубокое кресло, но и после чашечки чая и четверти часа размышлений своей правоты не почувствовал. Червь сомнений уже не просто потихоньку точил изнутри адвоката; он его буквально пожирал!

– Доведи дело Коробкова до конца, – жужжал червячок.

– Какое дело? Оставь меня в покое, – отбивался Артем. – Пожилой человек отошел в мир иной, ну и пусть покоится с миром! А мне еще с наследством и собственными делами надо разобраться.

– А календарь? – не отступал червь. – О чем Коробков написал девятого мая? Не знаешь? То-то и оно!

– Мало ли, что старик писал в своем календаре. Мой дед тоже писал. Ничего особенного. Мысли о прошедшем дне. Говорю тебе, отстань!

– Ну-ну. Я-то отстану. А вот тот, кто бумажку вырвал из рук мертвого Коробкова, то-то будет рад. Давай. Закрой глаза. Сбеги. Дезертир!

– Слушай! Бумажку мог этот лохматый сосед вырвать. Или тот, что требовал с меня на выпивку. Там же террариум! Кунсткамера какая-то. Бомжатник.

– Во-во! Твоего соседа выволокли в этот «бомжатник» из роскошной «трешки» в центре Москвы, а ты делаешь вид, что он не просил тебя о помощи!

– Не до него было. Я, между прочим, квартиру для Губкиных выбивал!

– А ты помнишь, что судья сказала? Губкин был сто тридцать пятый! Понял? Остальные сто тридцать четыре так и остались на улице! Не потому ли, что ты не хочешь влезать в это дело всерьез?

– Тьфу! Пропасть какая-то с тобой. Замучил. Я не могу осчастливить весь мир. Как человек, сочувствую. Но у этих ста тридцати четырех есть другие адвокаты. Это их проблемы. Не мои. Все!

– Ладно, решай сам. Только вот перед отцом стыдно. Он бы так не поступил.

И вот на этот упрек совести Артему ответить было нечем, и он снова вспомнил, что дал себе обещание прочитать завещанную ему отцом тетрадь. Но воспаленные событиями дня сознание отказывалось расшифровывать цифры, даты, сокращения, инициалы и кодовые обозначения, и Артем начал с рассуждений отца на понятные ему темы. И вот эти записи сразу повергли его в шок: сразу же за олимпийским годом в Москве отец начал думать о введении в стране трехпартийной политической системы.

– Ну, ты даешь, папа...

«Как плоскость определяется тремя точками, а табурет пригоден для сидения лишь о трех ногах, – не стеснялся высказывать крамольные мысли отец, – так и в политике любая модель становится устойчивой при наличии трех основных сил...»

Что ж, мысль выглядела здоровой.

«Возможно разделение власти между двумя главными партиями и обязательным балансом в виде третьей силы. Именно она, независимая, отличная от двух других, особенная политическая организация даст возможность каждой из двух ведущих и конкурирующих партий создавать себе союзника либо получать оппонента, в зависимости от степени правоты и эффективности их действий...»

Артем восхитился. Работник МИДа, пишущий такое на пике развитого социализма, должен быть крайне неординарным человеком.

«Времена черного и белого, хорошего и плохого, «да» и «нет» безвозвратно прошли, – словно предвидел грядущее отец, – помимо двух противоположных мнений, есть третье, независимое, особенное, чем оно и важно! Его надо ценить, лелеять. Именно оно, третье мнение, и дает возможность найти компромисс, создать полноценную, всеобъемлющую политическую модель. Создать идеальное мироустройство и добиться тончайшего баланса в отношениях общества и государства...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.